

В. Попов-Попов

Чё делать?

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владислав Михайлович Попов

Чё делать?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34453122

SelfPub; 2018

Аннотация

Стас Атасов приехал на открытие торгового центра «Новый свет» и бесследно растворился среди товаров и покупателей. Начальник охраны Патроныч, он же бывший участковый Антон Петрович Мотыль, пытается разгадать загадку, но быстро устает. Зато энтузиазмом горит продавщица Лиза Курицына. Тем временем в торговый центр прибывает несколько персонажей: запойный игрок Василий Горюхин, вор Костя Таракан и Андрей Афанасьевич Мизулькин, который ботинки хотел купить. Они будут сталкиваться, как бильярдные шары, менять свои траектории, а также цели и задачи, и даже взгляды на жизнь и будущее. Содержит нецензурную брань.

В. Попов-Попов
ЧЁ ДЕЛАТЬ?
роман

1

Пустырь был огромный, в 2-3 футбольных поля. Он бесстыдно развалился, как грязный бомж на остановке, почти прямо в центре города. С одной стороны он упирался в улицу имени пятьдесят пятой Конной армии, с другой – во вторую Фабричную. Возмущенный Ильич махал ему чугунной ладошкой, как будто пытался прогнать. Замыкал окружение пустыря частный сектор. Частный сектор плавно переходил в гаражи, гаражи лепились вдоль железной дороги, железная дорога бежала вдоль речки, речка впадала в Волгу, а Волга в Каспийское море. Поколения городских властей и архитекторов бились с пустырем, но все в пустую. В начале 80-х на его месте решили построить новый микрорайон из панельных девятиэтажек. Когда первые две коробки выросли до четырех-пяти этажей, они начали коситься, трещать по швам и куда-то проваливаться. Под пустырем оказались какие-то пустоты, по которым текли подземные воды, а где они не текли, лежали какие-то ненадежные зыбучие пески. В общем, строить было нельзя. Коробки остались стоять на память о первой неудачной попытке покорения пустыря. Потом в городе появились мэры. Один из них решил разбить на пусты-

ре сад. Ряд засохших саженцев долго напоминал об этом благородном, но тоже неудачном порыве. Зато на пустыре прижился книжный рынок. Потрепанные интеллигенты продавали друг другу свои библиотеки, патлатые, стареющие юноши менялись пластинками, юноши посвежее и попрыщавее продавали видеокассеты, а на самых задворках рынка тихой сапой пробивалась порнуха. Затем появились диски, рынок стал шумнее, молодежнее. Букинисты постепенно исчезли как вид, остался только крикливый дядя Юрик. Пласты толкал одинокий битломан, пока ему не разбили и пласты, и очки как у Леннона. На рынок стала наведываться милиция с проверками, чтобы набрать себе побольше новых фильмов. Говорят, потом два сержанта стали кинокритиками. Рынок продолжал по инерции называться книжным, пока молодежь с дисками не была выдвлена с натопанной площадки торгашами-автомобилистами. С этого момента он стал называться Железкой. Сюда приезжали за деталями даже из самого Тольятти. Популярность сыграла плохую шутку с Железкой. Доходное торговое место было куплено могущественной, по слухам столичной, фирмой. Друг за другом исчезли автомобилисты, саженцы, недостроенные панельные коробки и, наконец, дядя Юрик. Экскаваторы разворотили пустырь, как тузик грядку, потом нагрянули стаи камазов с бетономешалками, потом вырос огромный железобетонный скелет, как будто на пустыре откопали какое-то циклопическое доисторическое чудовище. Оно стало обрастать стеклянной чешу-

ей, и через год засияло, заиграло красками; а на морде-фасаде появилась вывеска размером с десять окрестных гаражей – торговый центр «Новый свет». Остатки пустыря были залиты толстым слоем бетона.

2

Золотой голос страны пропал примерно через полчаса после выступления. Ладно бы просто пропал, но он пропал вместе со своим хозяином, певцом Стасом. В 15 00 торжественно разрезали ленточку, толкнули речь, в 15 20 местная танцевальная группа открыла праздничный концерт по случаю открытия «Нового света». Открытие было чисто символическим, центр заперли, чтобы собравшаяся толпа не разнесла его шикарные внутренности. Последним должен был выступать сам Стас. В 19.00 его внесли на эстраду, в 19.17 вынесли, в 21.45 у него был рейс обратно в Москву, но самолет улетел без звезды. Администратор Леночка, она же в этой малобюджетной поездке специалист по мейк апу, поступала в импровизированную гримерку звезды, как обычно, через полчаса. Потом еще раз. Потом, не дождавшись ответа, вошла. Стасика не было перед зеркалом, его задорный костюмчик из джинсов со стразами и рваной футболочки валялся сиротливо на полу. Леночка была озабочена. Через 5 минут она была расстроена, еще через 15 минут она бегала в панике, бледная как смерть. К тому времени генеральный директор «Нового света» опрокинул тост за успех предприятия, три тоста за каждый этаж центра, тост за тор-

говлю, тост за город, тост – за партнеров, за поставщиков, за подрядчиков, за строителей, а так же за начальника департамента землепользования, начальника департамента водоснабжения, главу РОВД, ГУВД, ГИБДД, за мэра и за себя самого. Поэтому он не сразу понял, о чем речь, когда ему сообщили о пропаже. Он успел еще выпить за родину и за жену, когда до него дошел смысл сказанного. Он не протрезвел, как обычно пишут в романах. Просто разбил бутылку об охранника, сообщившего новость. Потом куда-то рванулся, но упал и забылся тревожным сном. За него не спал его заместитель по общим вопросам. «Спокойствие, только спокойствие», – подумал он и заорал в трубку на охрану:

– Прое...али пид...СА, где, млядь, вы были? Сношались? На зоне будете у меня сношаться ...

Через пять минут размышлений вслух о судьбах охранников добавил спокойнее:

– Проверить все, на х, заблокировать все входы и выходы, пройти по периметру, осмотреть окна, самых тупых расставить по этажам. Докладывать все и стоять пока не дам отбой. Кто, мля, уснет на, разбужу и удавлю на х.

– Те чЁ, помочь? – лениво и покровительственно предложил заму бывший коллега, ныне начальник ГУВД.

– Не, сами справимся.

– ПАняатно. Ну чЁ, банкет окончен?

3

Лиза смотрела на трансформера, а видела Стаса. Он ле-

жал раненый в углу подвала, бледный и красивый. Стразы поблескивали в луче света, который лился из тусклого окошка. Лиза подошла и деловито начала перевязывать рану. Стасик встрепенулся. Молчите, – сказала она строго, – вам нельзя говорить, у вас опасная рана, – и забинтовала ему обнаженный, поцарапанный бицепс. Кумир благодарно посмотрел на нее. Прошелся взглядом по ее светлым волосам, серым глазам с длинными ресницами, пухлым губам, щекам, бюсту 3 размера и спустился ниже по фигуре. Он полюбил ее сразу. Лиза поняла это по его глазам. Признаться вслух Стас не мог, ведь она сама попросила его молчать. «Я спасу вас, не бойтесь». И она спасала его от всех врагов, жертвуя собой в последний момент. А потом они жили долго и счастливо, но это уже было в таком тумане, что не разглядеть. Поэтому она опять мечтательно вернулась в подвал к раненому Стасу.

«Лиза, ты не представляешь себе, сколько у меня врагов. Брось меня», – заговорил Стас, несмотря на запрет. Он сразу перешел на «ты», потому что начал испытывать к девушке не только влечение, но и безграничное доверие. «Но один друг у вас точно есть», – грудь Лизы начала вздыматься от волнения, – «это я...»

– Ты чоо, Лизка? Лиискаа! Корова ты пергидрольная, че застыла? Очнись, красавица! В школе могла ворон считать, а здесь давай работай. Поставь трансформера на место, коробки подвинь сюда, медведей на нижнюю, чтоб мелкотня видела, да осторожней ты, я за них деньги платила. Да че ж

ты все роняешь? Поколение дебилов, только чупа-чупсы сосать можете. Я тя для чего на работу взяла? Что б помогала мне, а не товар портила. Сломаешь мне игрушки, я тя обратно на улицу выкину, поняла?

– Поняла, поняла, тетя Свет. «Крыса старая, старуха-процентщица» – гордо ответила про себя Лиза и поставила на полку упавшего викинга с большим топором.

Светлана Михайловна немного лукавила, когда ругала нерадивую помощницу за сломанные игрушки. Товар она закупала в Москве, то есть не совсем в Москве, а на задворках люберецкого рынка. Брала у китайцев неликвид с дефектами и сама их по мере сил и фантазии исправляла. Драконы, динозавры, рыцари, хоббиты, робокопы, самолеты, автомобильчики, солдатики – все менялись запчастями и поражали воображение сочетаниями. Иногда у терминатора была голова Барби, только бритая, потому что так мужественней. Сама Барби часто попадала на полку с проволокой вместо ног, а протезы скрывал самодельный сарафан. Однажды Гарри Поттер держал вместо волшебной палочки автомат и его очень быстро купили. Совесть Светлану Михайловну не мучила. Что супермен, что бакуган, что автобот – ей было все равно. Дебильные игрушки для дебилов тупых, – так она говорила, потому что раньше была учительницей на хорошем счету. В «Новый свет» Светлану Михайловну взяли благодаря племяннику. Женек работал охранником и дорос до начальника смены. Через него она занесла конверт куда на-

до, то есть Антон Петровичу. Подарила еще пакетик игрушек, но пакетик вернули, сказали, что трансвеститы-инвалиды (это был Терминатор в розовом платье, без ног) пятилетним девочкам не игрушки.

4

Женек не спал всю ночь, был помятый, как фантик от съеденной конфеты, злой, как черт или подросток, которому надо встать в школу. «Гандон Патроныч всю ночь гонял, искали там этого... Мы такие стоим, обалдели прям. Орет, на, как пострадавший. Всех кроет. Мы сначала ваще не врубались, че этот придурок хочет. Я ему такой: «Спокойно, – говорю, – давай по порядку». Оказалось, звезда московская слиняла куда-то или грохнули. Концы вводу, тела нет. Говорю: «Нормально, ща сделаем все как положено».

– Женек, а Женек.

– Че?

– Пушкин через плечо. Кончай свою поэму, достал, сколько можно одно и тоже с утра слушать. Я вас в школе наслушалась, дебилов.

– Я, может, не тебе рассказываю, а Лизке. Патроныч, ваще, сказал всем свои складские помещения проверить на предмет нахождения улик и следов. Так что, тетя Свет, двигай, может, найдешь там этого москаля. Или, – Женек понизил голос и повернул стриженную голову к Лизе, – труп его, расчлененный.

Лиза отвернулась, ей было неприятно, что о Стасе Атасове говорили в таком тоне:

–Ирония здесь неуместна. Тем более Светлана Михайловна, мне уже все рассказала.

Женек вдруг спал с лица, и Лиза даже испугалась, что ответила слишком сурово. Она испугалась еще больше, аж, ойкнула со страху, дернувшись всем телом и колыхнув грудью, когда за спиной раздался тихий, но очень страшный, сиплый голос:

– Жопа. Я тебя с продавщицами послал заигрывать? Где твоя смена?

Бледный Женек не смел шелохнуться и оправдаться, и, вообще, забыл обидеться.

– Пшел, на склад, проверь и доложишь.

– Есть.

Начальник смены, отличник по физкультуре и НВП, три месяца в секции бокса, два – в самбо, дворовый козырь, когда-то размазавший самого Димона-каратиста из 8-го А», собрал остатки пацанского достоинства и попробовал не побежать.

–Ну, живааа, – рявкнул страшный Патроныч, и Женек побежал.

– Лизонька, дорогая, на ключи, покажи наше помещение, – проворковала Светлана Михайловна и сделала царский жест рукой, рефлекторно войдя в образ фем фаталь при виде зама.

Лиза еле догнала Женька у эскалатора.

– Подожди.

Она слегка запыхалась, потом замешкалась, раздумывая: если встать ниже охранника, он уставится в декольте, если выше, то в ноги, а у нее колготки лопнули. Но расстроенный Женек отвернулся, подставив для осмотра затылок и пылающие уши. Дальше они шли молча. Пересекли очередь за бургерами, потом очередь в кино, и наконец, очередь в туалет; открыли дверь с табличкой «служебные помещения». Шум толпы резко сменился тишиной, только лампы жужжали и шаги гулко разносились по коридору. Здесь не было ни души. Через пару минут этого одиночного плаванья в Лизе стала накапливаться какая-то смутная тревога, перед каждым поворотом сердце билось чаще, она чего-то ждала, сама не зная чего. Когда она вставляла ключ в замок, то даже не сразу попала.

– Дай, я – протянул руку помощи Женек, который не проникся мистической атмосферой коридора. – Замок поставили, елки, скрепкой открыть можно. Светлана твоя чем думает?

– Да тут товару, раз, два, и обчелся.

– Эх, вы, надо ж не только о своем барахле думать, – начал повторять лекцию босса Женек и параллельно открывать дверь. – Хлипкая какая. А если террористы бомбу подложат, а? Че молчишь, нечем крыть?

Лиза застыла и онемела, уставившись вглубь открывше-

гося склада. Бородатый террорист с бомбой, красными цифрами, мельтешащими на таймере, черная вдова, укутанная в саван, обмотанная взрывчаткой с глазами злого зомби испугали бы ее, конечно, больше, но удивили бы меньше, чем то, что она увидела.

– Ну че, статУя, – Женек обошел продавщицу, которая не могла шелохнуться, – вроде все нормально, на месте. Охранник прошелся мимо полок, сгреб оттуда барби, перевернул ее пластиковым задом вверх, согнул ноги и в неприличной позе мойщицы полов поставил обратно. – – Закрываем лавочку. Ща доложу Патронычу и на обед отпрошусь. Ну, погнаги.

– Да, пойдем, – как-то вяло ответила Лиза, с трудом переставляя ватные ноги. «Сказать этому дураку или не сказать? Как он вообще ничего не заметил? А что он должен заметить? Стоят куклы в ряд, все как новенькие, целехонькие. Глазки, ножки, ручки на месте. Все нормально!!!!» – Нормально, – врывалось у Лизы.

– ЧЁ? – дернулся Женек.

– Ничо, – и Лиза снова ушла в себя.

Мысль, как подводная лодка, всплыла на поверхность реальности, дала залп и обратно на дно. «Что нормально-то? У нас нормально – ЭТО НЕ-НОР-МАЛЬ-НО! Что случилось? Кто играл в мои игрушки и починил их все!? Это ж надо! 4 здоровых мешка бракованного игрушечного мусора, расчлененных кукол, разбитых машинок превратить в... В,

черт знает что. Все целы, невредимы, без изъяна, как в магазине! Эти Барби еще вряд поставлены, причем голые. Точно! Маньяк. ОООО, вот ты, Лизка, попала! Так сказать или не сказать?» Она посмотрела на охранника оценивающе, на его уши, на татуировку то ли тигра, то ли волка, на руки, играющие ключами в штанах, подумала, подумала и передумала. «Не, не поймет».

5

– Умора! Смотри, вот это дуэт идет!

– Ха, Слон и эта, как ее, Моська.

– О, май гад, чё она нацепила? Это че за мешок в виде юбки? А чем она свои баллоны прикрыла? А че там нарисовано? А туфли смотри. А на голове че. Слониха, она ж если упадет, то ушастого просто раздавит, ха.

Две головы (хвост и челка, хвост и челка) выглядывали из за лысого манекена с приколотым объявлением SALE и тыкали пальцем через витрину в проходящих Лизу с Женьком. Вдруг обе головы синхронно повернулись и заговорили хором:

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста.

Та, что была с хвостиком, челкой, в футболке поло, черных джинсах, с бэйджиком «менеджер АННА» зло взглянула на соседку с хвостиком, челкой, в футболке поло, черных джинсах, но с бэйджиком просто « Анна». Просто Анна запнулась и стала поправлять джинсы, которые тоже были черные и затем футболку, которая тоже была поло на пластико-

вой лысой женщине. Менеджер АННА продолжала:

– У нас новая коллекция и скидки по случаю открытия магазина. Смотрите и обращайтесь, мы всегда сможем вам подобрать что-нибудь подходящее.

– Подберите мне, знаете что, джинсы какие-нибудь.

– Легко. У вас какой размер?

– Да я не знаю.

– Дайте ка на вас взглянуть, тааак. Я на глаз могу размер определить. Менеджер АННА тепло и преданно посмотрела на покупателя. – Вы по адресу обратились. У нас европейская марка, все сшито на таких стройных, как вы.

Клиент неуверенно втянул живот.

– Пойдемте сюда, вот у нас ширина ... – менеджер АННА споткнулась на полуслове и дальше начала суетливо перебирать джинсы в одной стопочке, потом в другой...

– Аня, а где 53-ьи... ?

– Померяйте пока это.

Менеджер Анна не глядя дала пару джинсов и жестом послала покупателя по направлению к примерочной.

– Аня, ты офигела? Перешла на полушепот менеджер АННА. – Ты товар че не разложила, быстро дуй за джинсами для этого хомяка на склад.

– Ань. Я раскладывала. Я раскладывала, говорю тебе. Ты че? Все че там было, я принесла, я ж не дура какая те. Поищи лучше на полке.

– Ты че, менЯ что ли за дуру принимаешь, Аня. Я че, по-

твоему, не могу нужный размер джинсов того, это ...определить?

– Аня никого я ни за че не принимаю, нету товара больше, че ты на меня наезжаешь.

– Девушка, эти узковаты, кажется.

– Что вы, это так носят, такой тренд последнее время, – не поворачиваясь и не отводя гипнотического взгляда от просто Анны, ответила менеджер АННА.

Хомяк открыл занавеску, ширинка у тренда явно не застегивалась.

– Ну, давайте я вам другой фасон и размер принесу. Вот примерьте это.

Четыре пары должны были задержать клиента в примерочной еще минут на десять.

– А кто товар принимал, Аня, а? Ты смотрела в квитанции, когда Эльдар приезжал? Аня, ты че лажаешь с первого дня?

– Какие, Анечка, квитанции? Я товар вчера не принимала. Ты забыла все на свете со своим Стасом.

– Это, – донеслось из за штор, – вот эти великоваты, можно такие же, но поменьше, а? Эй! Ау, АУуу! Есть тут кто-нибудь?

– Хотите, ремень? Сейчас все так носят. Вон, Стас вчера на открытии так и носил, прям такие же джинсы точь-в-точь, – предложила менеджер Анна и тут же переключилась на другой разговор. – Аня, а кто по твоему принимал товар?

Я что ли?

– Аня, я не знаю, че ты привязалась, я же на концерте как и ты была.

– Мне бы все-таки, поменьше.

– Померьте следующие пока, сейчас мы поищем. – А ключи у тебя откуда?

– Откуда, откуда, от сюда. Не помню... у кассы, кажется, лежали.

– Девушки, эти тоже не подходят, они какие-то со стразами.

– Всем нравятся почему-то, а вам не нравятся. – Как так у кассы? Они ж в сейфе должны лежать.

– Просто, мне кажется, это женские...

– Давайте, я у вас эти заберу, а другие принесу. Да ради бога не стесняйтесь, чего я не видела...

– Да кто же туда их положил?

– Я думала, ты положила. Ты ж после концерта с Эльдаром хотела...

– Че ты несешь? Я с Эльдаром. Ничё я с ним не хотела. По себе людей не судят. Это ты же с ним мечтала тет-а тет после открытия ...

– Каааакой Эльдар, не пудри мне мозги. Я тебе кто?

– А я тебе кто? –

– Барышни, а я долго без штанов буду стоять?

– Да кто вас заставляет, сколько уже меряете, как девочка, не знаю прям.

– Да вы же мне сами...

– В чем дело, кто тут клиента обижает? За хамство штрафану по полной программе. Это вам не на толкучке левые шмотки толкать.

Грузный, седой гражданин с барсеткой прошел с суровым выражением лица, не глядя на продавщиц, прямо к примерочной. По– хозяйски, откинув татуированной рукой шторку, он стал утешать клиента, который, опешив, замер без штанов:

– Возьмите, уважаемый, любые джинсы, вторые бесплатно.

Потом подумал и добавил:

– Труссы тоже бесплатно.

– Теперь давай с тобой поговорим, Анечка.

– Эльдар, извини, я не...

– Ты не хотела, понимаю, – грустно, вкладывая какой-то другой смысл, произнес Эльдар, и повел ее в отдел нижнего белья.

– У нас тут накладка с товаром. Вот я и сорвалась.

– Сорвалась, Анечка, сорвалась. Это точно. Что это вчера такое случилось, а? Вроде договорились. А ты, оказывается, не хотела, потом сорвалась.

Эльдар погладил женские трусики.

– Я чем-то тебя обидел? Фрукты приготовил, вино, и, вдруг бац, после концерта нет Анечки. Что там такое случилось на этом концерте? Ты кого-то встретила?

– Ты что, Эльдар, никого я не встретила, у меня просто это, в общем женские неприятности, – потупила глаза менеджер АННА – пришлось уйти...

– Понятно, дорогая моя, понятно.

Эльдар встал.

– Запакуй это и отдай. Свои ошибки надо исправлять, дорогая.

Проходя мимо просто Ани, он бросил через плечо:

– А ты про оклад менеджера забудь, я продавщиц два раза не жду.

– Ну. Эльдар, ну, че ты!

Ани расстроено посмотрели ему в след. Менеджер Анна расстроилась, потому что изменила своему правилу: лучше синица в руке, чем журавль в небе. «Дура» – подумала Анна про себя. «А че дура-то? – ответила тут же себе Анна. «Тебе сам Стас свой телефон на твоей футболке написал! Какой к черту Эльдар, с его магазином, когда такое наклеывается. Нет, все равно – дура. Надо было сразу звонить. А теперь, где он?»

«Где он?» – тоже мысленно спросила кого-то « просто Аня», ностальгически поглядывая на медную пуговичку от джинсов, на которой неизвестный турецкий мастер выгравировал надпись «madeinItaly», двуликого Януса в пятиугольнике знака качества и надпись «знак качества». «Просто Аня» грустно улыбнулась самой себе и затем повернулась к хомяку, который смущенно мялся у кассы:

– Ну? Чё берем на такую халяву?

– Вот, – он, краснея, протянул пару джинсов: те, что были узкие и те, что были со стразами. – И это тоже, – очень неуверенно, не глядя на продавщицу, положил на стойку еще пару вещей.

– Ого, это вы себе?

«А все же странно, куда делись джинсы его размера?» – синхронно подумали обе Ани.

6

Душа у Вики пела. Она пела: Чики, чмоки, ам– ам,

Губы тянуца к губам!

Чика Вика, мурмур,

Кекс– секс, амур, амур.

Мы сплелись ногами,

Что же между нами?

Пока душа у Вики пела, сама Вика стояла в очереди за бургером. Есть не хотелось, но Вика любила все клевое, а бургер был клевый. И сам «Новый свет» был божественно клевый, даже клевее бургера. Вика напускала на себя скучающий, всезнающий вид, но невольно несколько раз запрокидывала голову и открывала юный рот, любясь высоченной стеклянной крышей, через которую светило солнце. «Как это возвышает», – думала Вика. Потом посмотрела под ноги и увидела пятно грязи на новеньких кроссовках, – «как это унижает», – вздохнула она, вспомнив грязный двор, вонючий подъезд, комнату, которую она делила с

бабушкой и пустой шкаф. Вика отвернулась от мрачных видений. Шик и блеск витрин, чистота и скрипучесть мраморных полов приводили ее в экстаз, даже неработающий бассейн с фонтаном был прекрасен. Каскад эскалаторов ее просто гипнотизировал. Да что там, эскалатор, люди на эскалаторе радовали. Они были нарядно одеты, с их лиц исчезла привычная угрюмость и озабоченность. Вика смотрела во круг восхищенными глазами, как раньше ударник сельского труда смотрел на белые павильоны ВДНХ. Это было обещание большой и красивой жизни. «Эх, я б здесь жила. Ну то есть, работала бы», – подумала, а потом подумала и поправила себя Вика. «Как же здесь кле...»

– Касса свободная. Здравсте, что будем заказывать? Вика улыбнулась пареньку в форме и тут же обомлела:

– Ты? Саня, это ты?

– Нет, на фиг, не я.

–

А кто?

Саня не нашелся что ответить. Он выглядел озабоченным, смущенным и озлобленным одновременно.

– Что заказывать будем, – сказал он, глядя куда-то в сторону.

– Ба, ты же в Москву уехал, в институт ...

– Заказывай эти чертовы... – Саня покосился на соседа, – или вали.

– Ладно, ладно, Санек, мне бигбигер, не, бигбумер, не,

просто бумбургер и колу.

Ошарашенная Вика пошла к столику, села, развернула долгожданный сверток, поднесла ко рту булку, но забыла откусить, переваривая произошедшее. «Санек, отличник, надежда школы... Вот те раз. Вот уж работка, врагу не пожелаешь, не хотела бы я быть на его месте», -запротиворечила сама себе Вика. Она даже слегка обиделась, обломал Санек мечты, что можно покорить Москву, эх, обломал. Но до конца обидеться Вика не успела. Прямо в ее сторону шла Лизка Курицына. «Ба, и эта здесь». Вика за несколько секунд провела ревизию бывшей одноклассницы и вынесла вердикт: Эх, Лизка, в своем репертуаре: одета в абы чё, перед носом ничего не видит, взгляд потерянный. Оба! А это чё за рембо ушастый рядом?

—

Лизка! Привет. Нет ответа. – Лиискааа! Да вы чо, сговорились все хамить мне сёдня, – рассердилась про себя Вика.

Она вскочила и замахала рукой:

– Лизооон! К доске! Ком пре ву! От знакомых позывных Курицына очнулась как когда-то в школе.

–Вика. Се ту! Ух, привет. –Вы, Женя, идите– церемонно, кося под Светлану Михайловну в минуты вежливых припадков, послала охранника Лиза.

Светская беседа не задалась с самого начала. Лизка не похвалила явно новые кроссовки Вики, и пока вспоминали, кто из однокашников куда поступил, дважды посмотрела на ча-

сы. Даже супер новость, что в 10 метрах работает Санек, ее не взволновала.

–Что-то не так? – попыталась заглянуть в душу к однокласснице Вика.

– Слушай, Викуся, мне в магазин надо. – прикрыла дверь в свой богатый мир Лиза.

–Таааак. У тебя чё-то с этим охранником, да?? Ну да ведь? Ну? Я сразу все поняла, как вас увидела, – Вика решила взять быка за рога, точнее корову за вымя.

–Ты залетела? Да? Залетела? Ну скажи, не бойся. Мне можно. Мы ж когда-то были подругами. – «Что-то не помню», – удивилась про себя Лиза, но в слух удивилась совсем другому:

–

Ты о чем, Вика? Ну, ты даешь. С этим ? что бы Я с этим? Неее. Какой муветон.

Лиза посмотрела в горящие глаза одноклассницы и вдруг поняла, с кем она может поделиться своей тайной:

– Я отпрошусь на обед и назад, мне надо тебе кое-что рассказать. Только поклянись никому не слова.

–

Же, же ... о, вспомнила, Же ву жьёр! Чтоб у меня целлюлит на жопе вскочил, чтоб я в джинсы не влезла. Короче, я – могила.

Лиза покинула место встречи, терзаемая сомнениями: «Засмеет – не засмеет, поверит – не поверит. Да и вообще,

что я ей расскажу?»

«Что ж она такого расскажет?» – подумала Вика и съела задумчиво бумбургер. Сытым взглядом, свысока, с высоты второго этажа, она окинула толпу, которая мельтешила внизу, запеленговала нелепую фигуру одноклассницы и проследила за ней, пока та не скрылась за поворотом. И тут начались странности. Знакомая фигура неожиданно снова появилась из за угла и пошла решительно в противоположную сторону.

–

С тобой, Курицына, не соскучишься.

Курицына как будто услышала Вику, повернулась к ней, замахала руками, на что-то показывая, затем бросилась вперед, рассекая толпу, как ледокол «Ленин» ледяные торосы.

7

Темные силы зла в лице Кости Таракана неотвратимо приближались к торговому центру «Новый свет». Нехорошая улыбка играла на его лице от предвкушения грядущей наживы. Он плотоядно поглядывал на большие набитые пакеты в руках усталых, изможденных шопингом обывателей. Костя был вор. Стаж не большой, но уже отмеченный государством памятной путевкой. В голове его рисовалась шикарная картина: он входит в комнату и небрежно кидает Ляле под ноги меха, джинсы и деньги. «Примите и распишитесь», – скажет он, красиво прислонившись к косяку, как Андрей Миронов в кино «12 стульев». Не, не так он скажет, а вот как:

«Костян обещал жизнь в шоколаде, Костян слова на ветер не бросает». Не, лучше без рисовки: «На, Ляля, держи». Или просто : «Держи». Или еще проще: «На!» Или можно, ваще, молча кинуть барахло, так даже красноречивей. Костя щедро и в разных позах делился добычей, которой становилось все больше и больше, пока не увидел охранников у входа. «Это че за хрень?» Он нащупал в кармане заточенную отвертку, которую приберегал для Васьки грузчика. Васька на прошлой неделе врезал Косте в глаз у пивнушки. Это требовало отмщения. Отомстить не вышло, Васька запил и куда-то пропал, а отвертка осталась. И теперь Костян должен спалиться из за этого козла?! Ща обыщут и привет. Врешь, не возьмешь. Костя повернул назад. Перешел улицу, завернул за гаражи, бросил отвертку в кусты и двинулся обратно к торговому центру. Подошел ко входу, увидел охранников и вскрикнул про себя: «Это ж охранники!» Если б он знал слово «эврика», он бы так и сказал. Но он не знал, поэтому выразился короче: «Пля!» Это ж не менты, не обыщут. «Сначала права поимей», – сказал Костян охраннику прямо в глаза, но не вслух. После этого он гордо повернул назад, нырнул за гаражи и полез в кусты за отверткой. Отвертки не было. «Спиз...ли! Кругом ворье», – настроение испортилось.

Хмурые мысли о тотальном воровстве мешали сосредоточиться: «Я, ломанный в рот, – честный вор, у меня, пля, мастерство, на х. Я рискую, еп. А эти суки тырят позорно. Западло. Ой, западло». Занятый горькими мыслями мастер

художественного отъема ценностей не заметил, каким образом оказался в глубине торгового центра. Демонически оглядевшись и хрустнув пальцами, Костя Таракан принялся за работу. Навстречу ему выплыл из двери какого-то магазина вальяжный гражданин. Ему вдогонку неслось: «Эльдар, ну ты че? ну, Эльдар, ты куда?» Внутренний карман его пиджака беспечно оттопыривался, борсетка ненадежно застряла в подмышках. Мой клиент – решил Таракан и двинулся вперед. Дистанция стремительно сокращалась. Еще чуть-чуть и кошелек сменит хозяина. Хищный взгляд Таракана обшаривал фигуру клиента и вдруг натолкнулся на руки. Это были тяжелые руки бывшего боксера-тяжеловеса или борца средней весовой категории или штангиста или вообще терминатора. Более того, на этих руках зловеще синела тюремная татуировка. Предчувствуя недоброе, охотник за кошельками поднял глаза и уперся во взгляд, от которого захотелось съежиться и куда-нибудь незаметно слинять. Таракан даже не пытался выдержать этот взгляд, а быстро отвернулся и постарался увильнуть от столкновения, минуту назад столь желанного. Но не успел. Железное плечо врезалось в него и разметало по полу. Авария разбудила в Таракане зверя. Он рвал и метал. Догонял обидчика и четкими движениями всаживал кулаки ему в брюхо и рожу, тот оседал и Таракан добивал его контрольным пинком в голову. Зверь остыл и вернулся в жалкое тело Таракана, которое стояло на карачках и мотало головой. Сердобольная старушка подняла кепарик

пострадавшего вора, и, бормоча что-то сочувственное, положила ее себе в сумку. «Эх, милоч, осторожней надо быть», - сказала она, прячась за спины любопытных. «Там же заначка моя, пля. Да что ж такое? Че деется?! Рабочего человека обижают. Держи вора!» – срываясь на фальцет заголосил Таракан и ринулся за беспринципной пенсионеркой.

Погоня. Какой детектив обходится без нее? Один бежит, другой догоняет. Таков непреложный закон жанра. Детектив без погони – это как жизнь без любви. Новое, незнакомое чувство нахлынуло на Таракана. Азарт охотника, упоение гончей собаки. Он вдруг понял, почему мальчишки становятся ментами.

Таракан привык убежать. Гнаться за похитителем он не привык. Это его подвело. Ему не хватило хладнокровия, которое приходит только с опытом. Слепленный жаждой истины и справедливости, он не видел ничего и никого, кроме улепетывающей бабульки, а зря. Из тех же стеклянных дверей, из которых вышел человек, грубо уронивший Костю на пол, появился другой субъект. Не такой внушительный, не такой решительный, с фирменным пакетом в руках. Таракан врезался в него и снова оказался в положении сидя. Сбитый им пешеход пытался трусливо уползти с места происшествия.

– Вы, кажется, что-то забыли, – раздалось ехидное замечание из толпы. На полу, между субъектом и Тараканом лежал пакет, из которого вывалились джинсы со стразами и...

стринги. Стразы предательски блестели и отбрасывали зайчики на веселые стринги.

– Это не мое, – промолвил покрасневший субъект, и пнул содержимое пакета в сторону неудачливого вора. Таракан рефлекторно взял, что дают, и, не замечая ухмылок окружающих продолжил погоню.

Погоня продолжалась ровно 14 секунд. Рекордсмен Бен Джонсон, употреблявший анаболические стероиды, пробежал за это время 200 метров с барьерами. Но Костя не употреблял допинг, точнее употреблял, но не такой. Поэтому он за 14 секунд преодолел расстояние 8 метров 32 см. От Бена Джонсона бабка бы не ушла, от Кости ушла. Но не потому что он бегал хуже Бена Джонсона, а потому что столкнулся с судьбой. Строчки из знакомого шансона пронеслись у него в голове: «Эх, судьба-судьбинушка, ментовская дубинушка...». Смысл этих слов он понял только сейчас. Дальше слова звучать перестали и вместо них в голове у Кости зазвучало: «Траляля, ляляля, ляля ляляляля ляляЛЯ!». Прямо перед Тараканом стоял сам Патроныч. Кошмар короткой тараканьей жизни, ужас, преследовавший его на узике с мигалкой. Выбитый зуб и шрам от ментовской ременной бляхи на заднице остались Таракану на память о профилактике правонарушений участкового Антона Петровича Мотыля. Мотыль так и говорил, когда ловил Таракана: «Ты меня еще вспомнишь добрым словом, поверь мне». После нескольких профилактических процедур в участке Костя

сбежал от участкового в колонию, взяв на себя кражу одного колеса для автомобиля Запорожец.

Через секунду спринтер Бен Джонсон был посрамлен.

Патроныч смотрел на Таракана и думал, откуда эта тварь дрожащая с мешком в руке ему знакома. Когда тварь побежала, он лениво сказал по рации приметы, приказал поймать, обработать для профилактики и пошел по своим делам. Точнее по делу. Певец, черт его дери, так и не объявился.

Что делать? Что делать, что делать? Мозг Таракана лихорадочно работал, пока тело металось по коридорам. Увидев на горизонте двоих в униформе, Таракан свернул в первую попавшуюся дверь, затем во вторую и оказался в кабинке с унитазом. «Загнали, все – капец», – Костян в сердцах бросил на пол пакет. И тут он понял, что еще не все, и еще не капец. Он решительно снял свою засаленную куртку, старую олимпийку и спортивные штаны с лампасами. Затем достал из пакета джинсы, поморщился увидев стразы, и стал надевать. Джинсы, пля, не натягивались. Мешали просторные семейные трусы. «Ё!» – вырвалось у Кости, и в следующую секунду трусы полетели в мусорную корзину. Совсем без трусов было неловко. Костя выудил из пакета стринги и, стараясь не смотреть на этот позор, напялил их на себя. Зато молния на джинсах застегнулась молниеносно. Порывшись в пакете, нашел какую-то рваную футболку с непонятной надписью «kissme». Затем осторожно вылез из кабинки, посмотрел

в зеркало: «Пацаны не одобряют. Ляля ...Ляля, не знаю», – качнул жидкое мыло и прилизал волосы. «Ну и на кого ты теперь похож?» – спросил свое отражение Костян. «П...др какой-то!» – весело ответило отражение мужественному Костяну. Однако на кое-кого он был действительно похож. Ну, совсем чуть-чуть. Почти не заметно. Так с большой натяжкой.

Таракан заметал следы, петлял, прятался в магазинах, что бы проверить, нет ли слежки. Слежки не было. В одном из магазинов на него уставились какие-то тетки. Он огляделся и понял, что следя за коридором, теревит лифчик в магазине нижнего белья. Не мой день, пора на выход, – подумал Костя и с вызовом посмотрел на теток. Тетки вызов приняли и так призывно посмотрели в ответ, что смущение вытолкнуло беглого вора наружу, как пробку из бутылки шампанского. В бутылке кипели нешуточные страсти.

– Красавчик! На Преснякова похож.

– На какого Преснякова? Я тя умаляю. Он же вылитый Траволта!

– Какой еще Траволта? Да, вы обе слепые что-ли, это ж Абдулов. Только в молодости.

–Ну, мать, ты даешь. Скажешь тоже. Да Юра это Шатунов, или этот, как его, Стасик. Идя по коридору, замаскированный Костян с удивлением стал ловить на себе заинтересованные дамские взгляды.

Таракан и не догадывался, насколько это не его день. На

рынке, который был когда-то на месте торгового центра, он знал все входы и выходы. Мог с завязанными глазами войти и выйти и еще раз войти. Первые пять минут Таракан шел и не догадывался о проблеме. Когда он в третий раз прошел мимо магазина пахнущего мылом, то задумался. Следующие пять минут он шел, читая указатели. Указателей было море. Они указывали Косте как найти магазины: «Мастер спорта», «Шесть карманов», «Пять стаканов», «Уют», «Интим», «Дрим тим», «Фарфор», «Рокфор» и еще 632 заведения не считая заведений быстрого питания, ресторанов и туалетов. Стрелочки на выход не было. Все торговые центры в мире, даже самые маленькие, устроены по образу и подобию дворца Лабиринта. Прежде чем увидеть свет в конце тоннеля, ты должен пройти через максимальное количество магазинов. Ты думаешь, что ты Тесей, если выбрался на улицу, но глядя на кучу ненужных предметов в руках, понимаешь, что вышел через задницу закусившего тобой Минотавра. Косте было наплевать на символическое прочтение устройства торгового центра. Он был в отчаянии. «Какое, пляаааать, восточное крыло, – чуть не плача вопрошал потерявшийся вор, – у меня, что компас есть? Какой такой корпус «Бруклин», что это за ...хрень? Где я? Ну почему, – сурово критиковал Костя Костю, – почему, ты, долбо..б, не подумал о пути отхода?» Совсем потеряв голову, он бросился за помощью к людям. Люди были добры к Косте и пытались помочь: «Значит так, сначала пойдете прямо, до «Всея Семьи», затем напра-

во, затем налево...» Костя шел, куда послали, потом спрашивал дорогу снова, и ему предлагали пойти налево и вверх или назад. С каждым новым советом он запутывался все больше и больше. Как субъективно восприятие этого мира людьми! Но Костя не знал как оно субъективно, он не учился в институте, не проходил курс ФИЛОСОФИИ, хотя смутно догадывался о пользе высшего образования. «Все, спрашиваю последний раз. Не выйдет, пойду, куда глаза глядят».

– А где здесь выход», – как можно вежливее спросил Костя у какой-то рыжей особи, неопределенного пожилого возраста, стоящей в пол-оборота.

– А «пожалуйста», когда спрашиваешь, говорить уже не надА? –еще не совсем повернувшись начала на повышенных тонах рыжая женщина. – Кто вас таких воспитал-то?

Говорящая голова завершила поворот и уставилась презрительно на человека, который не знает слово «пожалуйста». Костян потерял дар речи, а мог бы совершенно спокойно ответить: «Да вы и воспитали, Светлан Михална».

– Ба, это ты, Тараканов! Как вырос! Понастругают дебилов тупых, а ты их воспитывай. А нарядился то как! Как геи в телевизоре. Вот и читай вам в школе про Марата Казея и Валерия Чкалова.

Костя опустил очи к кроссовкам, как когда-то в первом классе.

– Во что ты превратился? Вон Лопехин ларек свой держит, мужик настоящий...

– Светка – пипетка! –вырвалось у Кости из репертуара 3 класса.

Светлана Михайловна лет пять не слышала живой ученической речи и слегка опешила от тараканьего демарша. Но опыт не пропьешь, бывших учителей не бывает, Светлана пошла в контратаку:

– Ах, ты, клоп вонючий, да кто ты такой, да я тебя в бараний рог... да я тебя порву как тетрадку... – Светлана сосет у крана! – выпалил Таракан страшное ругательство 6 класса издания.

Он сам не ожидал от себя такого. Как писать «пол-яблока», сколько будет квадратный корень из суммы кубов, как выглядит учебник по биологии, и, даже, год своего выпуска – не помнил, а это помнил. Это было секретное, глубоко законспирированное ругательство. Никто и никогда в лицо класснухе такого не говорил. Этот боевой клич поднимал настрой на заднем крыльце школы, одновременно будоражил воображение. Ничего не сказала на это бывшая классная руководительница Таракана. Молча, покрываясь какими-то пятнами гнева, она отступила к своему магазину, взяла самую нарядную куклу с витрины и пригладила ей волосы. «Вот это выдержка! Я горжусь тобой, Светлана Михайловна!» – сказал бы великий советский педагог Антон Макаренко, если бы видел эту сцену.

– Ну, что ж, я тебя породила, я тебя ... – и не закончив цитату из классика, последовательница Макаренко, без объ-

явления войны, наотмашь, врезала по тараканьей голове. Голова отвалилась. Светлана Михайловна провела еще серию ударов, пока в руке у нее не остались только ноги куклы. Голова Таракана осталась на плечах, пострадали только его прическа и самолюбие. Разъяренный заслуженный педагог района ринулась провести последний дидактический прием на удушение.

– НЕЕЕЕЕТ! – раздался отчаянный крик.

Лиза Курицына замерла как вкопанная. Страшная картина открылась ей из за поворота. Ее кумир медленно поднимает голову куклы, как палачи во времена французской революции поднимали отрубленные головы аристократок. Бледное злое лицо его скрыто растрепанными волосами, на футболке следы крови, стразы на джинсах хищно блестят, надпись «kissme» выглядит страшным девизом маньяка. Лиза поняла все! «Боже, маньяк – это СТАААС!»

– Но почему Ты ? – вырвался из ее груди стон, полный горя. Таракан воспользовался замешательством и дал деру, предварительно пнув кукольную голову по-вратарски в сторону учительницы.

– Ты его знаешь? – спросила все еще красная от битвы Светлана Михайловна.

– Кто ж его не знает, – ответила Лиза. Она подумала упасть без чувств, но передумала и бросилась вдогонку. «Может, он еще не совсем падший человек, может, ему можно помочь?»

– Надо поговорить.

Вика от неожиданности пролила драгоценную колу:

– Блин! Ты че пугаешь? – Не «че», а «что». Извини. Я не хотел. Мне надо с тобой поговорить.

– О чем, Саня, о бумбургерах ?

– Обо мне.

–

Клевая тема. Но я, блин, спешу. Орвуар. Проголодаюсь, загляну. Вика двинулась к эскалатору, но Саня не отставал.

– Ты думаешь, я опустил, пошел пирожки продавать, вместо института? Испугался, что там конкурс высокий? Если хочешь знать ...

Вика, в принципе, хотела узнать, что случилось, но рефлексивно съязвила: – Исповеди принимаю по вторникам, после обеда. Шурик, давай в следующий раз. Тут такое творится... Вика не закончила, решив не делиться секретом с таким лузером. Александра Петровского, сына глав врача, отличника и красавца никто в классе Шуриком не называл. Пацаны и учителя обращались уважительно только по фамилии, девчонки звали Сашей и заглядывали в глаза. Теперь Саша сам заглядывал в глаза Вике, называл ее Викой, а не просто Ключевой, как в школе: – Ты должна понять, Вика. Я ведь не просто... извините, разрешите пройти... я хочу сам всего добиться.

Тут он отвлекся на несколько секунд: «Клевая косуха,

«степен вульф», солидная марка, суровый рокер-стайл без пафоса». Саня представил себя на харлее, красиво вжикнул молнией на куртке, лягнул педаль газа, и умчался за горизонт, как молодой Микки Рурк. «Ну, вот, поступлю я в медицинский и что?»— спрашивал он себя, рассекая воздух под рев мотора. «Что тебе там делать, парень?» — спросил Микки Рурк Саню, догнав его на своем супербайке. «Будешь снова сидеть за партой, слушать преподавов, потом снова к отцу в больницу, и снова его слушать. И так каждый день до старости. Пропахнешь пилюлями. Тоска». Саня очнулся и повторил слова Микки Рурка бегущей Вике. Однокашница пропустила тираду мимо ушей, напряженно разглядывая окрестности в поисках подруги. Лизы нигде не было, зато в витрине Вика увидела свою мечту №1. Норковая шуба моментально отвлекла ее от текущих дел. Вот Вика такая выходит из лимузина где-то далеко не здесь, поглаживает нежный мех, все такие смотрят на нее в восхищении... и тут, бац! Какой-то затрапезный хмырь плеснул на шубу красную краску: «Вы убиваете животных! Да здравствуют дикие норки, бобры, лисички, горностаи, соболя и прочие хорьки!» Вика в шубе чуть не заплакала, но реальная Вика не дала себе расстроиться и переключилась на мечту №2. Вот она такая выходит из АУДИ. На ней дубленка такая белая. Над головой горит неоновая надпись «Москва». Это или кинотеатр, где идет премьера ее фильма, или ресторан, где ей назначил свидание, ну, не олигарх, но солидный парень. Само собой дело

происходит в городе-герое Москве. Тут какая-то мыпра на Хамере проносится мимо, и вся дубленка в соленой московской грязи. Вика в дубленке белеет от злости, и ее заменяет мечта №3.

Веселая компания красивых молодых студентов сидит в Макдональдсе, шутит на какие-то умные темы. Само собой дело происходит в Москве, ну или в Питере. Самая умная и красивая – Вика. Она – дизайнер одежды успешный. В таком модном пуховичке коротком, темно-синем, чтобы в случае чего грязь была не так заметна. На Вику восторженно смотрят ее знакомые и иногда поглядывают на полоску ее голого живота. Все потягивают колу. Вдруг к ней наклоняется какой-то уборщик в форменной одежде и говорит: «Москва подождет. Есть дела и по важнее». Это Саня. Даже здесь достал со своими нотациями. И тут Вика взрывается. И та, что в пуховичке, дизайнер, и реальная, та, что в перешитом мамином пальто:

– Да, отвали ты. У меня, понимаешь, подруга пропала, а тут ты со своими муками профориентации.

– Как пропала? Саня сделал заинтересованное лицо, хотя, под лицом его крылась одна только вежливость и ни какого интереса.

– А вот так. Взяла и пропала. Я сразу все поняла. Взгляд мечтательный-мечтательный, как будто втюрилась в кого. Рядом качок какой-то с татуировкой. А, главное, потолстела, припухла чуток.

– Как припухла?

– Ну, залетела. Чего непонятного.

– Ты ж говоришь, она пропала.

– Да. Но сначала появилась тут.

– А кто? – Как кто? Да Лизка.

–Какая Лизка? – Вика аж опешила от такой непонятливости. – Как какая? Ну, Курицына. Глаза Сани были пусты, ни какой искры воспоминаний.

– Ну, «Курица, « Подушка, не помнишь? Саня покачал головой. Блонда такая крашенная, большеразмерная. Ее Губиной дразнили, когда она по Андрею Губину с ума сходила. У него песня была «Лиза», так Курица все мечтала, что он для нее поет. Саня не помнил, но робко кивнул.

– О,мон дье, да, на второй парте, справа, с Бахчой сидела.

–АААА! Это, который в колодец провалился, а его физрук вытащил? Как же, колоритная фигура, – обрадовался Саня. Но теперь Вика удивленно смотрела на бывшего одноклассника:

– В какой колодец?

– Что? Это не он? – Саня вздохнул, – В общем, Бахчу помню, Курицу не помню.

Александр Петровский не привык, когда им пренебрегают, но в последнее время им пренебрегали. С тех пор как он не пошел в институт, а пошел работать. Сам себя он стал уважать больше, но другие, почему то – меньше. Даже девушки стали прохладнее относиться. Вот и Ключева как-то без бы-

лого трепета разговаривает. Сане захотелось понравиться, но до сознания этот примитивный порыв дошел в более благородном виде: «Надо девушке помочь».

– Ладно, давай найдем твою курицу в этом сарае, – покровительственно предложил он вслух.

– Раз. Два, три, четыре, пять, мы идем искать! – развеселилась Вика.

Сначала они сосредоточенно осматривали аллеи центра, но затем Вика стала искать Лизу в магазинах. Она тщательно обыскала магазин шуб «Венера в мехах», ларек итальянской моды «Дель мода», где за ними гонялась тетя со словами: «это самый свежий Милан!», магазин финской одежды «Олень», индийской одежды «Слон», магазины : «Риал америкэн стайл», Риал бритиш стайл», польского трикотажа «Блузон», курток «Бизон», обуви « Крокодил», униформы для рокеров «Кожа да кости». Каждый новый магазин она обыскивала все тщательней и тщательней, все дольше и дольше. Но Лизы нигде не было. «Странно, где она?» – говорила Вика Саше, и как бы в задумчивости перебирала на вешалке очередной товар. Потом она перестала риторически спрашивать: «где Лиза?», а потом и произносить слово «странно».

Поиски затягивались. Саня чувствовал себя глупо, но вяло плелся за однокашницей. Вика вспомнила о нем, когда в джинсовом магазине к красавцу подлетели две продавщицы в обтягивающих черных брюках и футболках. Они предложили Сане помочь с примеркой и потянули его в кабинку.

Вика очнулась и ревниво потянула его на выход:

– Ты что, нам некогда. Нам Лизку надо искать. Мало ли что с ней случиться может. Она, знаешь, какая подавленная была.

– Может, она вешается сейчас где-нибудь в сортире от неразделенной любви, – неожиданно для себя ляпнул Саша.

Вика осуждающе посмотрела на него:

– Грубо, Петровский. Но справедливо. Бегом в тубзик.

– Не в тубзик, а в туалет, – в Петровском снова проснулся отличник, а Микки Рурк уснул.

9

Лиза была в сортире. Сортир был мужской. Она не вешалась, а сидела на корточках у крайней кабинки. Кабинка была закрыта. Из за двери доносилось тяжелое дыхание. Соседние писуары тихо журчали, и были похожи на фонтаны слез в Бахчисарае, воспетые Пушкиным. Когда Вика входила в «Венеру в мехах», Лиза стояла перед дверью с рисунком из кружочка и треугольника с острым углом вниз. Абстрактному мужскому символу кто-то подрисовал черточку, символ стал конкретным. Когда Вика искала следы Лизы на мутоновой шубе, Лиза решилась войти. Мужичку, который уставился на нее с открытым ртом и ширинкой она твердо сказала: «Я не к вам». Мужик вышел. Сортир опустел, но Лиза знала, что не совсем. Где-то рядом затаился Стас. Чтобы загнанный в угол певец-маньяк не совершил какую-нибудь

глупость, вроде убийства Лизы, Лиза громко сказала: «Не бойтесь, я вас не выдам. Я просто поговорить». В ответ ни звука. Охотница за маньяками сделала один нерешительный шаг, потом второй, потом наклонилась посмотреть, не видно ли ног под дверцами кабинок. Ног не было. Забрался на унитаз – догадалась Лиза. Сердце шумело так, что не было слышно собственных шагов. Грудь вздымалась так, что вот-вот лопнет бюстгальтер. Во рту пересохло так, что ... В общем, пересохло и все. Страх сгущался, накапливался, и заполнял мужскую уборную. Лиза сделал еще один шаг, и вошла в этот страх, как в туман. В возбужденном мозгу мелькнули картинки: «Ежик в тумане» и «Кларисса Старлинг идет к Ганнибалу Лектору». Лиза подошла к предполагаемому убежищу маньяка и решительно вступила в контакт.

– Я понимаю вас. Поверьте. Понимаю-понимаю, да. У меня тоже есть страшные мысли, которые меня пугают. (Лизе вспомнились узкие, короткие шорты, порванные на пикантных местах, марки «tease» из соседнего магазина «Солнечный берег», такие как у Памеллы Андерсон.) Что-то темное поднимается из глубины души, ты сопротивляешься этому, но сил все меньше и меньше. И очень важно, чтобы кто-то в этот момент помог сознанию бороться с этим. Я ведь все поняла. Вы там, в подвале, с куклами, как бы предупреждали, что может произойти. Что еще чуть-чуть и на месте кукол могут быть реальные люди. Как бы звали на помощь.

«О, зона рОдная, что же это? Че она мелет? Какие куклы,

какой подвал?» – Таракан растерянно шарил в памяти.

– Я ничего не брал, никаких кукол, – угрюмо крикнул он из за дверцы, – зачем они мне?

– Да, да. Конечно. Зачем вам куклы, – поддакивала Лиза маньяку, а про себя думала: «Конечно, тебе живых подавай». «Причем тебя, дура! – сказал Лизе внутренний голос, – Вали отсюда, пока не поздно!» Лиза не послушала внутренний голос, подошла к кабинке и присела рядом. «Что еще сказать такого жизнеутверждающего?» Мыслей не было. В голове вертелось только: «Ну, что сказать, ну что сказать. Устроены так люди...»

– Точно! Как я сразу не догадалась. Вам надо спеть! Излить душу. Написать песню о своих чувствах. Освободиться от них. Таракан чуть не рухнул со своего постамента: «Что мне сделать?»

– Я читала в журнале, что многих писателей, художников, поэтов, певцов обуревали страшные, преступные мысли. Но они рассказывали об этом, выпускали, так сказать, пар, и все. Напишите, например, балладу. Причем вы же будите писать со знанием дела. Это придаст подлинности.

Лизу понесло:

– Это будет такая мрачная баллада. Сначала тревожные аккорды синтезатора, а потом откровенная исповедь черного сердца и... кульминация с барабанами, с гитарным запилом! Да всем башню снесет! – в экстазе восклицала Лиза. – Все будут в шоке! Вас ждет успех. Вы станете русским Ником

Кейвом! Джимом Морисоном! А я, а я... Я вам буду помогать, буду вашим продюсером.

Таракан увлекся, поднатужился и попробовал что-нибудь сочинить. В голове, спотыкаясь, побежали первые строчки. «Раз пошел на дело я и ...э, верный кореш. ЭЭЭ, че дальше? Братъ решили мы пивной ларек. Выхватил я смело ... Че, мля, я выхватил? Финку? Отмычку? стакан? Кореш – мореш – пореш. Че-то не складывается. Раз пошел на дело я и верный кореш. Братъ решили мы пивной ларек. Выпили мы смело! Траля ляляля ... и рванули быстро на утек!» Таракан обрадовался своему таланту. Но мысли о пиве напомнили ему, что он давно хотел отлить. Новорожденный поэт-песенник заерзал на стульчаке и начал нервничать. Нужда росла, перестала быть малой. Мысли о карьере шансонье утекли, как вода в унитаз. Терпение лопнуло. Таракан спрыгнул с насеста и с воплем «Ууу, мля, больше не могу!» решительно вжикнул молнией на ширинке. Стринги были слишком малы. Замок зацепился за теплое, нежное и пленник туалетной кабинки заорал от боли. От страха Лиза упала на пол. «Вот оно как происходит. Вжикнет молния на штанах и ты – изнасилованное тело. Потом хрясь по голове – и ты лежишь в мужском сортире холодная, как кукла. Ну, все, пока, дура, – попрощался внутренний голос с бедной Лизой, – нашла на свою попу последнее приключение». Она с надеждой подумала об обмороке, который спасет ее от боли и предсмертных унижений. А пока, в ожидании обморока она поползла

на карачках к выходу.

– ААА! Помогите! – неслось ей в зад. «Заманивает», – решила Лиза и перешла на резвый аллюр, так и не встав на ноги.

10

«Воторолла!» – от восхищения Женек забыл, зачем пришел. Ни у кого из его знакомых не было мобильного телефона. И у Женька тоже не было. У Женька был пейджер. Выдали на работе, сказали: «Будешь всегда на связи, отключишь – убьем». Правда, к сети так и не подключили. Патроныч небрежно нажал на кнопку, небрежно поднес агрегат к уху и небрежно сказал: «Алле». Затем оживился: «Здорово, Катерина Васильевна, здорово. Как жизнь? Уголовный кодекс не нарушаешь? Ну, потихоньку, так потихоньку. Хе-хе. Не арестую. Не арестую. Я тя не слышал. А я не при исполнении. Согласно статье 43 УПК я имею право не отвечать на ваши провокационные вопросы, Катерина Васильевна. Просьба? Ну, давай. Пишу, пишу. Что-что хапнула? 320 долларов, так. Сколька, сколька? 35 долларов штука? Елы, вот это да! ЧЁ?! И за это 30баксов!? Оборзели! Ну и че надо та? Аааа. Слышь, Кать, некода мне, дел по горло. Ну, ну ладно не ной, не ной. Не ной, говорю. Ща разберемся. Решу, решу. Не ной, перезвоню, через... так... – Патроныч, вдруг посмотрел на Женька с интересом, – через час перезвоню. Все отбой».

– Так, Копыто, чё пришел, у нас что, дел никаких нет?

– Я не Копыто, а КАпытов. На обед хочу смотаться.

– После смены смотаешься. Задача у меня для тебя есть, серьезная, Копыто.

«Вот он – шанс -то!» Женька охватила сложная гамма чувств. Благодарность за доверие, решимость своротить горы, страх облажаться, – вот такая гамма охватила Женька.

– Это те, не продавщиц на складе тискать.

– Я не тискал.

– Не тискал ну и дурак. Там есть, что по... Так, – осадил себя Патроныч, – лирика потом. В общем, мозги включи. Слухай сюды.

Женек слушал, и лицо его скучнело прямо на глазах.

– В магазине покупательница купила купальники и трусы на 320 долларов. Купальники стоили по 35 баксов штука. А трусы – тридцатку. Ты понял, 30 баксов за трусы! Вопрос: сколько трусов и купальников купила эта дура? Ты понял, какие задачки в школе детям задают? 6 класс! А им такие уравнения из высшей, мля, математики про трусы. Внучка вся в слезах. Так что садись, тут и решай. Через час доложишь, что тут по чем. А мне некогда, пойду проблемы решать.

И ушел.

Патроныч шел и напряженно думал: «Так. Что мы имеем? Пропал, мля, этот пид..рас певучий. Так. Что еще мы имеем?» Патроныч еще сильнее напряг серые клеточки: «Ммм, он пропал... Он пропал. Он ...ээ...пропал». Патроныч рас-

слабил серые клеточки. Потом снова напряг, так что вместе с серыми клеточками напряглись лоб и мышцы пресса: «Пропал он ...вчера. Вчера пропал. Пропал вчера...Вчера. Вот. Пропал». От раздумий напряглись бицепсы. Вдруг серые клеточки выдали: «Патроныч! А давай восстановим хронологию событий!» «Ну давай», – неохотно ответил Патроныч серым клеточкам. Вчерашний вечер вспоминать было неприятно. Неприятно было вспоминать, как Серегин обмывал свежие звездочки и новую должность начальника ГУВД. «Вот хитрожопый, – подумал про бывшего коллегу бывший участковый Антон Петрович Мотыль, – не сам проставился, а на чужом банкете отметил. Как был жлоб, так и остался». Неприятно было вспоминать как Серегин пил водку, а потом требовал запить ее чем-нибудь мягким, душистым и запивал какой-то Метаксой. А он, Антон Петрович Мотыль, не запивал, да и не пил вообще. Стоял и следил за порядком. Неприятно было вспоминать. А ведь было время, которое вспоминать приятно. Когда он, Антон Петрович Мотыль пил водку и запивал ее душистым...э... Не запивал он никогда водку, не такой он человек, чтоб водку запивать. «Антон Мотыль водку не ЗАПИВАЕТ!» А Серегин тогда не пил и не запивал, потому что Патроныч отправил его, салагу, на дежурство. Воспоминания вошли в приятное русло и плавно потекли ... Куда собственно текут воспоминания? Куда впадают? в какое-нибудь темное море внутри головы. Неважно. Вспомнилось Патронычу, как он стоял в очереди за водкой,

а когда его очередь подошла, оказалось, что осталась только одна бутылка, да и не водки, а вина «Улыбка». Патроныч мысленно улыбнулся, хотя шел с непроницаемым каменным лицом. «Вот была вещь, щас такого нету, вкуснотища. Как там Надька сказала, «сладкое, как поцелуй любви». Тьфу. Какая Надя. Неее. Не к Надьке он с «Улыбкой» в общагу ходил. К Нинке, точно!» «К Нинке с «Улыбкой»? Не смей меня», – заспорил по-стариковски Патроныч с самим собой, – «никто к Нинке с вином не ходил, ей ерша хватало. Чпок стакан об колено и залпом, пока эта горячая смесь шипит». «Мальчики! – все приговаривала Нинка, – пью, как губка, может, выжмет кто?» – и смеялась. А выжимать-то некому. Все уже по углам пьяные в пыль валялись. Не угнаться за Нинкой было. Откуда ж «поцелуй любви-то?» – поскреб голову в поисках ответа бывший друг Нинки и муж Нади. «К Наде с шампанским ходил, и не в общагу, а домой». «С каким шампанским, маразматик!» «Не маразматик, а склеротик». «Шампанское только на свадьбе было. А домой к Надьке с водкой ходил, будущему тестю ставил. «Зубровка» была, как сейчас помню. ПРИЯТНО ВСПОМНИТЬ. ДА. Откуда ж «поцелуй любви» все таки?»

Он еще раз мысленно представил бутылку вина «Улыбка» и надеялся, что на бутылку клюнет какое-нибудь воспоминание, как на наживку. Но ничего больше не клюнуло.

А не смог Патроныч вспомнить вот какую историю. Дело было так. Начиналось все романтично как у Пушкина: Тиха

украинская ночь. Прозрачен воздух. Звезды блещут. А дальше все пошло не по классику. Луна не сияла. Замка гетмановского не было, а был санаторий. Но и его не было видно, потому что молодой младший лейтенант Антон Мотыль с Зоей Степановной Пункт, 23 лет от роду, медсестрой санатория имени Григория Котовского, ушли далеко по берегу Черного моря. Сначала им встречались шумные компании, потом воркующие пары, а дальше из окрестных кустов вылезали лишь смущенные одиночки, с выражением облегчения на лице. Настроение было самое романтическое. И чем темнее становилось, тем – романтичнее и романтичнее. Младший лейтенант, приобняв медсестру, читал бессмертные стихи: «Я вас любил. Пойдемте ж в поле...» Рука Антона осторожно, как разведчик, кралась к попе спутницы. Вдруг Зоя повернулась и с хитрой улыбкой сделала Антону предложение:

– А давай те, Антон, искупаемся! – затем понизила голос, – нагишом.

– Как... как-это? – начал заикаться Антон, потому что дыхание перехватило.

– Го-лы-ми. Голыми, – зашептала заговорщицки Зоя, и расстегнула пуговицу на платье.

– Нас никто не увидит, – и расстегнула вторую. Волнение охватило Антона, в штанах стало тесно. Он не мог оторвать глаз от дразнящего, еле различимого девичьего бедра.

– Д-давай-т-те, - не смея поверить своему счастью, согласился Антон. Когда рубашка и платье упали на песок, воз-

никла нерешительная пауза.

– Ну, что же вы? Не бойтесь, – еще волнительней зашептала соблазнительница. Но он Антон чего-то боялся и оглядывался.

– Хорошо, я – первая. И к платью полетела верхняя часть купальника. Антону стало стыдно собственной трусости, и он начал стаскивать брюки. Брюки не стаскивались. Он отвернулся и рывком стянул их.

– Теперь твоя очередь, – зашептал дрожащий от возбуждения нудист-новичок. Зоя не колебалась, повернулась голый спиной к Антону. Трусы поехали вниз, девушка при этом изящно нагнулась. Антон почувствовал, что любит Зою.

Ничего из этого эротического прошлого не помнил Патроныч, но проходя мимо магазина нижнего белья, испытал смутное беспокойство. Там стояли голые манекены, а какой-то тип смазливой наружности бесстыдно разглядывал тонкие дамские трусы. Патроныч брезгливо отвел глаза.

Мелькая в темноте незагорелой попой, Зоя, то охая на камнях, то хихикая, заспешила к морю. Через пару метров ночь спрятала от Антона его смутный объект желания. Понесся всплеск и голос: «Ну, идите же сюда. Море – теплое». Антон отпил из прихваченной початой бутылки вина, решительно снял трусы и побежал навстречу разврату. Бежать по камням было неудобно, но боль не остановила младшего лейтенанта. Невидимая Зоя призывно плескалась в глубине теплых волн. Размахивая руками и головой в сти-

ле любительский кроль, возбужденный милиционер поплыл, ориентируясь на шум. Зоя услышала погоню, засмеялась и пустилась на утек: – Догоняй, кавалер!

«Догоню», – подумал Антон и замахал руками в два раза быстрее. Не догнал. Смех Зои все так же раздавался с какого-то безопасного для ее девичей чести расстояния.

– Сдавайся, – крикнул Антон, запыхавшись, – все равно догоню. От лейтенанта Мотыля еще никто не уходил, – добавил себе звания для значительности все еще младший лейтенант.

Погоня продолжилась. Всплески Зои приближались, смех утих. Скоро Антон услышал ее дыхание. – За неподчинение представителю закона следует суровое наказание, – пошутит, сплевывая соленую воду влюбленный преследователь. Зоя молчала, затем резко вздохнула и исчезла под водой, обдав Антона брызгами. – Ах, ты, щучья дочь! – растерялся Антон. Через несколько секунд щучья дочь вынырнула и начала его дразнить:

– Ну, что же ты? Плыви сюда. Я тебя жду, скучаю.

Антон молча рванул в ее сторону, как пограничный катер «Стремительный» в погоне за нарушителем советской границы из фильма «Рассекая волны». Но Зоя снова ушла под воду прямо перед носом, как диверсантская подводная лодка. Так повторилось еще раза три, пока Антон не понял, что над ним издеваются.

– Чё-та мне надоели эти салочки, я это, к берегу, – оби-

делся в темноту Антон. И поплыл медленно, ожидая, что его или догонят, или окликнут.

– Ну и ладно, греби, лейтенант. А я еще поплаваю. Неожиданный облом поставил влюбленного пловца в тупик: «Ну, и что теперь делать? Уплыть с гордо поднятой головой, или плюнуть на гордость и попытать счастья еще раз? Авось даст».

– Давай, давай. Иди суши весла, – раздалось из темноты.

– Тебя подождать? – робко, с надеждой спросил Антон. В ответ получил равнодушное «как хочешь». Выйдя на берег, Антон почувствовал, что разлюбил Зою. «Все, больше никаких салочек с русалочками, в номер и спать». В голове созрела месть обломщице: «Закину ка ее платье подальше. ПУСТЬ ПЛАВАЕТ ХОТЬ ДО УТРА». Злая, недобрая улыбка появилась на лице младшего лейтенанта, совсем не подходящая советскому милиционеру.

Через пару минут от улыбки не осталось и следа. «А где одежда – то?» «А одежда-то где? Где, млять, эта чертова одежда? Да где ж она?» Темнота в раз перестала быть романтической. Паника охватила младшего лейтенанта. Голый Антон заметался по пляжу, периодически опускаясь на карачки, и шаря по песку руками. Впереди, в двух шагах, что-то забелело. Ну слава богу, нашел. Но нашел он лишь большой валун. Слезы наворачивались на глазах. «Идиот, так тебе и надо. Дон Хуан, твою мать. Во влип. Во влип, аа? Кто увидит, умрет со смеху. Но темнота скрывала позор советско-

го милиционера, раздетого не по уставу. «Давай, придурок, вспоминай, может, там рядом куст какой-нибудь рос», – командовал себе младший лейтенант Мотыль. Но тот, кому он командовал, только мысленно разводил руками. «Соберись, тряпка. Помнишь как в романе «Сын полка» дело было? Ты думаешь, что идешь прямо, а по правде, плавно поворачиваешь по дуге в право, потому что ты правша. Ты – правша? Раз правша, значит, плыл, загребая в право. То есть вышел на берег где-то там». И Антон пошел куда-то туда. Он наклонялся как можно ниже, пытаясь разглядеть, что у него под ногами. Но под ногами были только песок и камни. Вдруг послышались какие-то пьяные голоса. Антон обмер от страха, застыв на месте, как застигнутый врасплох домушник или форточник, или медвежатник даже. «Зашухерили. Канать надо», – заботал по фене испуганный милиционер. Затем он согнулся в три погибели и крадучись полез в воду. Он бы пополз по-пластунски, но боялся поцарапаться. Голоса стали отчетливы: «Неее, я дальше не пиду, я боюсь. Вдрух от тудова хто выскочит? Ну, перестань, хихи. Ну, перестань, я казала. Ну ты, чорт, куды лезешь-то. Ой, щёкотно. Ой, хаха!» Разговор постепенно умолк и перерос в сосредоточенное сопение. «Вот ведь, все как у людей», – позавидовал Антон. Вдруг где-то рядом зашумела вода и зазвучал звонкий голос Зои:

– Эй, лейтенант, ты где? В засаде?

Лейтенант в засаде чуть не захлебнулся. В той стороне, где сопели и кряхтели, раздался визг, затем пьяный мужской

бас:

– Ну че на. Кто здесь борзый, такой. Иди сюда на. Не слышу на. Че молчишь на? Тогда получи на! Рядом с Антоном в воду упало что-то тяжелое. Камнями кидается, понял Антон и рванул на глубину. Это была его ошибка. Он обнаружил себя. Тут же в сторону всплесков началось прицельное бомбометание. Снаряды ложились все ближе и ближе к отступающему милиционеру. Он уже нырял в спасительные волны, когда один из кирпичей попал ему под лопатку. Раненый крикнул: «Ой!» – и ушел под воду. Когда он вынырнул, опасность миновала: – Галя, ну куда ты? Галечка, постой. Ну, Галушка моя, Галушечка, подожди, –бас и шаги спешно удалялись.

«Что за кошмар? Неужели это со мной происходит? Ну, когда-то же это кончится?» Но кошмар не рассеивался. Пришлось снова вести мучительный бесполезный в потьмах поиск трусов, штанов, рубашки и специально купленных для отпуска кожаных сандалей. И еще бутылки вина. Безрезультатно. В отчаянии Антон на ощупь нашел какой-то чахлый куст и стал рвать ветки, чтобы сделать себе первобытную юбку, как у аборигенов тропической африки из журнала «Вокруг света». Прикрытие оказалось фиговым. Тогда он начал думать, как прокрасться в санаторий голым, но незамеченным. Вариант марш-броска по пляжу, через центральный вход, он отмел сразу. Мимо костров с компаниями отдыхающих незаметно не проскочишь. Тем более, наверху шумит

дискотека. Остается вариант с риском для жизни. Он мысленно вскарабкался вверх по обрывистому берегу, мысленно перешел колхозный сад, мысленно перелез первый деревенский забор, прокрался среди тыков, зарослей раскидистых южных помидор, сорвал душистый сочный огурец, откусил, начал перелезать следующее ограждение, и вдруг забрехала одна собака, вторая, загорелось одно окно, второе. На крыльцо вышла баба Дуня, что молоко отдыхающим продавала, на другое – тетя Мотя, что втихаря толкала самогон, и, наконец, из своей покосившейся халупы вылез дед Пахом, который ничем не торговал, но отдыхающих знал в лицо. Собаки несутся на Антона, баба Дуня кричит: «Ща милицию вызову!», тетя Мотя кричит: «Не надо милицию!», а дед Пахом молча поднимает свою старую двустволку. «Не, это тоже не вариант», – решил Антон. Осталось тупо ждать рассвета.

– Я так хочу, чтобы лето не кончалось. Что б оно за мною мчалось. За мною вслед. Лето, ах, лето! Лето теплое будь со мной.. Ла—ла-ла-лала. Лала лай ла лалалай.

Песня Аллы Пугачевой приближалась, а вместе с ней и Зоя. «Ей хоть бы хны, ей хоть бы хны», – вскипел Антон и бросил язвительно:

– Зоя, а вы не хотите одеть...ся..., -и замер в который раз, но на этот раз от удивления. Зоя вошла в зону видимости, поправляя платье.

– Что вы сказали, лейтенант? – она оглядела своего бывшего кавалера:

было у Антона фуражки с кокардой, погон со звездочками, ремня с бляхой, -вообще ничего милицейского не было, он все равно сурово произнес:

– Лейтенант Мотыль, ваши документы.

Алкаш поперхнулся и упал: чур тебя, чур тебя. Но голый мент не исчез, а заорал благим матом: – Штаны отдавай, под суд у меня пойдешь, в Сибири сгною.

– Ты, не кипятись начальник, – признал власть выпивший гражданин. – Держи свои кальсоны, я так, тока, фасон посмотрел. Шо у нас менты на досуге носят. Нигде от вас не скрыться, крысиное племя.

Антон с достоинством отряхнул брюки, не спеша оделся, взял под руку Зою и пошел в санаторий. Сзади зазвучал припев: «Слааааадкий, как пацалу́й любвииии ! Слаааааадкий, как пацалу́й любвиии!» Шли молча, расстались немногословно. Поцелуев не было. Зайдя в номер, Антон достал чемодан, из чемодана достал припасенный для начальника пятизвездочный коньяк и выпил его весь, не закусывая. На следующий день он уехал домой.

Постепенно память услужливо запрятала эту историю в недоступные архивы. Но с тех пор у Патроныча появились странные привычки. Он никогда не ходил по своей воле на пляж, и терпеть не мог мерить одежду в магазине. Поэтому все на нем или висело мешком, как на вешалке, или было малО. Да, еще Патроныч не любил песен. Неважно – народные или инородные песни – не любил их Патроныч и все.

Но особенно раздражали его романс, шансон и популярные шлягеры.

Как назло, только Патроныч хорошенько задумался над исчезновением певца, и в голову ему пришла хорошая мысль: «А ведь звезда пропала не просто так...», вдруг вокруг зашумело, раздался мерзкий электронный визг неотрегулированного микрофона, и пошло поехало.

– А теперь ты, Маша!

И нежный детский голосок картаво запел песенку про котенка: «Мулка, ты мой муленочек. Мулка, ты мой котеночек. Мулка, Малуся Климова, плости любимоваа!!»

Патроныча перекосило от ненависти. Размалеванный клоун похвалил Машу, подарил шарик с рекламой магазина платьев «Фея и Золушка» и сунул микрофон под нос следующему ребенку. Патроныч решил убраться подальше в место потише. Не тут-то было. Рядом раздался вой сирены, которая оказалась красным ревущим покупателем дошкольного возраста. Судя по тому, как он надрывался, это был вопрос жизни и смерти.

– АААААААА! Яааа шаарик хачу. Шарик. Шааааааааарик! Дай мне шарик!

Любитель шариков тянул руки к маме.

– Ну, Толик, иди спой песенку, и клоун даст тебе шарик, – попыталась по-доброму решить вопрос мама.

– Нееееет. Не хочу песенку, хочу шарик. Дааааай шарик.

Детеныш захрипел, стал пунцовым, повалился на пол и

начал бастовать руками и ногами против вселенской несправедливости. Мама сделала строгое лицо:

– Вон видишь дядю-охранника? Сейчас он тебя заберет, если не прекратишь кричать. Правда, дядя-охранник? Патроныч промолчал, выискивая пути отхода.

– Ага! Дядя-охранник сказал «да», – соврала в педагогических целях мама, – Сейчас он тебя заберет.

Мама поволокла орущего Толика в сторону растерянного дяди-охранника. А когда доволокла, Толик понял, что отступить некуда, назвал маму «дурой» и стал пинать дядю. Зато он забыл про шарик. Беспорядок, с которым Патроныч боролся всю сознательную жизнь, теперь атаковал его со всех сторон. Клоун кричал басом: «В очередь мамины дети, в очередь!» Потом плюнул и стал разучивать с хором правильных детишек гимн торгового центра. Неправильные дети гуртом атаковали воздушный, надувной замок. Неправильный Толик пинался и пытался отнять рацию. Мамаша крутилась вокруг с воплями: «Ну сделайте с ним что-нибудь» и «Осторожно, не сделайте ему что-нибудь». В довершении зазвонил телефон. Одной рукой отпихивая жадного до чужих вещей Толика, Патроныч второй рукой пытался достать футляр с телефоном из кармана брюк, а потом телефон из футляра. Телефон упал на пол и через мгновение оказался у Толика.

– Отдай телефон, щенок! – заорал Патроныч, выйдя из себя.

– Не смейте так орать на моего мальчика! – заорала мама-

ша и тоже вышла из себя. Только Толик не вышел из себя, потому что и так был давно снаружи. Дядина игрушка пиликала, дребезжала и вибрировала, от чего становилось щекотно. Толик самозабвенно нажимал на все кнопочки, пока игрушка не заговорила человеческим голосом: «Мотыль на, ты – тормоз. Ты свой ТТ из кобуры чё, так же быстро досташь?» Толик не понял вопроса и бросил трубку. На пол.

Антон Петрович любил детей. У него была внучка Катя и еще одна внучка Катя, по младше. Две внучки Кати. Но сейчас Антон Петрович был готов поднять руку на ребенка и, может быть, убить его вот этой вот своей рукой. Даже если бы обе Кати встали перед ним на колени, обратили к нему свои прекрасные, заплаканные глаза и молили Антона Петровича: «Дедушка, мы молим тебя, не убивай Толика», – Антон Петрович все равно бы его убил. Но ему стало резко некогда. Он увидел пару жадных глаз, следивших за его прекрасной «Вотороллой». Да что там пару! Две пары. Нет, пять пар жадных глаз смотрели, куда закатится телефон. Действовать надо было без промедления. С воплем «Не трожь колхозное добро» Патроныч нырнул щучкой за своей собственностью, как волейболист за мячиком. Много раз Патроныч видел по телевизору «Крым-217», как в трудную для команды минуту игрок самоотверженно прыгает, отбивает, казалось бы мертвый мяч прямо у самого пола, потом мягко падает на грудь и скользит по площадке как по воде под рев восторженных трибун. Еще в полете Патроныч успел подумать: «Мля, Ан-

тон, ты че делаешь?» Но было поздно, на знаке вопроса он с грохотом рухнул вниз. Ни какого мягкого приземления и красивого скольжения по инерции не произошло. До телефона осталось еще метра три. Патроныч, стараясь не кряхтеть и не стонать от ушибов, встал и дошел до телефона нетвердой походкой.

– Мотыль у аппарата. Да нет, все нормально.

Однако за спиной Антона Петровича Мотыля было нормально далеко не все. За спиной Антона Петровича проходил бой рыжей продавщицы вооруженной куклой с каким-то высокомодным субъектом. Но Антон Петрович не видел и не слышал, что происходит. Одно ухо у него было занято неприятным разговором с шефом, а второе после падения слышало только звон колоколов и шум моря.

11

От удара тупым, тяжелым предметом по голове мужчина средних лет и плотной комплекции пришел в себя. Во сне за ним гнался Феликс Эдмундович Дзержинский. Огромный чекист гремел по асфальту чугунными ногами и кричал: «Дай миллион! Дай миллион!» Он держал в левой руке пароход имени себя, а в правой – револьвер. «Странно, – подумал мужчина, – почему он держит револьвер за дуло?» Пароход почему то не вызвал у него удивления.

– Потому что пули на тебя жалко, контра, – закричал железный Феликс, который всегда видел контру насквозь.

– Он читает мои мысли, – испугался мужчина.

– Да, я читаю твои мысли, – ответил памятник.

– Боже, за что?

– За долги твои тяжкие, – ответил за бога Дзержинский,

– Да я отдам. Отдам. Давно хотел отдать.

– Конечно, отдашь. Мне все отдают.

Чугунный чекист приближался. Каждый шаг его был как землетрясение. Сердце беглеца то пыталось выскочить из груди, как птичка из клетки, то замирало, как заяц в кустах. Бежать было бессмысленно. Мужчина сдался и съежился. Дзержинский медленно поднял для удара пароход и заслонил солнце. Стало темно. Мужчина зажмурился. Стало еще темнее.

От удара тупым, тяжелым предметом по голове он пришел в себя.

– Ну чё, мелочь? Гони мелочь. Чей-то подловатый смешок угодливо оценил каламбур. Мужчина открыл глаза: Дзержинский исчез, зато передним стояли Васька и Колька из соседнего двора. «Лучше б уж Дзержинский», – подумал мужчина.

– Ну чё, пацан? Долго стоять будем?

– Отдай мой пароходик, – раздался жалостливый голос не мужа, но мальчика. Мужчина понял, что это его голос, что ему 7 лет.

– Деньги гони. Карманы выворачивай. Тогда получишь свою деревяшку.

Слезы навернулись на глаза, рука сама полезла в карман за

мелочью, вытащила 20 копеек и протянула рекетирам.

– То-то. Смотри, в следующий раз 50 копеек принесешь, – сказал Васька.

– А то мы тебе шорты обоссим, понял, – сказал Колька.

– Держи свое корыто, – сказал Васька и бросил пароход.

Пароход врезался в голову.

От удара тупым, тяжелым предметом по голове мужчина средних лет и плотной комплекции пришел в себя.

Сначала он понял, что у него болит голова. Потом понял, что он без штанов. Потом, что он лежит в какой-то комнате. Потом, что перед ним стоит кто-то, машет звонящим телефоном и что-то кричит. Человек собрал волю в кулак, сфокусировал внимание, напряг слух и попробовал понять, что говорит это громкое существо. «Очнулся, алкаш, несчастный. Возьми трубку. Трубку, говорю, возьми, алкоголик. Тебе звонят, трубку возьми. Труб-ку. Труб-ку. Труб-ку чер-тову возь-ми!» Громкое существо делало ударение на каждом слоге, а для доходчивости делало ударение трубкой по голове мужчины.

– Пить, – слабым голосом и просящим тоном, способным вызвать слезы у любой женщины-матери, произнес мужчина без штанов.

– Пить? Ты пить хочешь? – с непонятной яростью отвечало странное белое лицо в каком-то красном тюрбане. – Я тебе сейчас дам попить!

Сначала в сторону мужчины полетел телефон. После

столкновения со стеной, он перестал звонить. Затем ваза муранского стекла с цветами. Ваза попала в голову мужчины, но головная боль не прошла. «Захватили! Сцапали!», – вспыхнула в голове мысль после удара о вазу. «Конкуренты? Кто? бицевские? запанские? Неужели питерские?» Он покосился на тюрбан: «Может, чечены?» Тюрбан вдруг всхлипнул, потом еще раз, потом тихо захныкал, потом громко зарыдал: «Сволочь! Сволочь ты. Что ты со мною сделал? Я отдала тебе лучшие годы жизни. Алкаш. Больной. Тебе лишь бы надраться». «Не чечены, точно», – понял больной и решил задать наводящий вопрос. – Где я ?

Тюрбан зарыдал еще сильнее: «Ты все мозги пропил. Буряк – ты больной подонок! Может, ты и меня не узнаешь?» Мужчина по фамилии Буряк покосился на лицо в чем-то белом, на красное полотенце вокруг головы и решил потянуть время:

– Почему, узнаю. Чтобы прекратить расспросы он повторил жалостливым голосом:

– Пить.

Тюрбан вышел. В больной голове вяло вертелись имена: Анька, Санька, Манька, Танька, Тонька, Дунька, Женька, Фенька, Раиса Александровна...

– Вот смотри, подонок. Вместо воды умирающий от жажды подонок увидел маленькую книжку. – Смотри, подонок, что написано, подонок. «Кристина Анатольевна Буряк» написано. Я – жена твоя, подонок. Вот штамп в паспорте. Это

– наша квартира. А ты, Буряк, – подонок!

Кристина Анатольевна Буряк убрала паспорт в карман халата, сняла полотенце с головы и гордо тряхнула гривой рыжих волос, крашенных краской «Блонда калор. Квин оф зе найт», с оттенком «Жгучий каштан».

Вдруг раздались вступительные аккорды «полета валькирий». Муж Кристины Анатольевны Буряк неуверенно полез за телефоном, пытаясь уползти от неприятной семейной сцены. «Ямамото Стурлусон» лежал в какой-то луже. Его серый пластиковый корпус треснул, но он все равно работал. Когда нужная кнопка была найдена, трубка заговорила:

– Здравствуйте, могу я поговорить с ээ Буряком Феликсом Эдмундовичем?

– Нуу, – скорее с сомнением, чем с согласием ответил мужчина трубке.

– Вам удобно говорить?

Говорить было неудобно, боль эхом разносилась по голове от каждого звука. Но рыжая женщина в комнате явно хотела продолжить атаку. Поэтому мужчина вяло отвернулся к стене и сказал скорее с согласием, чем с сомнением:

– Ну.

Далее произошел непринужденный разговор, из которого мужчина понял, что он, не только Феликс Эдмундович Буряк – но и мудака, провинциальный гопник, и ведет себя не как бизнесмен. Его, мудака, гопника и небизнесмена ждет ужасное будущее в виде грубого сексуального насилия и за-

хоронения в лесу. А его торговый центр распилят на доли и распродадут продавцам помидорами. Феликс Эдмундович пытался возразить и даже произнес: «Эээ...», но его прервали. Он узнал, что неприятности с летальным исходом на лесной полянке ждут его, если Стасик не вернется в Москву к концерту в «Олимпийском». Мужчина смирился, что его зовут так странно «Феликс Эдмундович», но хотел спросить, кто такой Стасик и чем Стасик дорог этой кровожадной, визгливой тете с той стороны трубки. Он спросил: «Аааа?». Но трубку бросили.

Головная боль, нападение рыжей женщины и анонимные угрозы заставили Феликса Эдмундовича заспешить в укрытие. Он неровной походкой заковылял в ванну, захватив на всякий случай вазу. Кристина Анатольевна Буряк с презрением отвернулась от своего мужа и подарила гораздо более нежный взгляд Хулео Иглесиасу в телевизоре «Panavidic» 17 дюймов. Феликс Эдмундович решил принять душ, но принял ванну. Точнее ванна приняла тело Феликса Эдмундовича, который не смог удержать равновесие и упал, потянувшись за мылом. Падая, он уронил стакан с зубными щетками «MickeyMouth», мужскую зубную пасту «Челюсти», безопасную бритву «Гильотен», пену для бритья приличной марки, пену после бритья еще более приличной марки, увлажняющий крем той же более приличной марки, туалетную воду «TzarIvan», туалетную воду «Skinofdictator» и еще... Но остальные предметы упали после того, как локоть

Феликса Эдмундовича снес немецкий смеситель «Vosch», а голова Феликса Эдмундовича ударилась о ванну. Струя ледяной воды из сломанного смесителя ударила в упавшее тело. Все-таки, Феликс Эдмундович принял душ.

«Буряк, ты умер?» – спросил голос из за двери с плохо скрываемой надеждой. Но надежда на безвременную кончину супруга была беспочвенна. Квартиру уже давно украшала не чугунная ванна Череповецкого металлургического комбината, и даже не стальная – от Ижевского завода сплавов, а виниловая испанская марки «хоум элит». Легкое изделие опрокинулось под весом в 115 кг. «Что за жисть!», – подумал живой, но сильно ушибленный муж Кристины Анатольевны. Ваза муранского стекла была разбита.

Ему было на что жаловаться. На заре жисти родная бабушка, пользуясь отсутствием отца и слабостью матери, дала ребенку имя-отчество несгибаемого революционера и главного чекиста. Это максимально испортило существование юного Буряка в школе. Он возненавидел всех, кто хоть что-то знал о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском, и сошелся с теми, кто о Дзержинском не знал. Таких было раз, два и обчелся. Раз – Васька, два – Колька. Оба из соседнего интерната. Они не читали книжек, тем более учебников, пугали учителей и били всех, кто попадал в район бараков. Избили и Феликса. Потом еще раз, потом еще, а потом, когда он сам отдал всю мамину мелочь на хлеб, как бы подружился. Вместе с ними он вышел на тернистую дорогу разбоя. Став постарше,

он придумал себе кличку «Феличита». Дальнейшая криминальная карьера Феликса Эдмундовича Буряка банальна и не заслуживает описания.

Много воды утекло из смесителя, прежде чем падший хозяин торгового центра «Новый свет» решил встать. Получилось только сесть. Он почесал второе «Я» телефоном, отчего высветился последний входящий звонок. Захотелось позвонить и узнать, кто такой Стас. Позвонил и узнал.

– Кто он такой? А ты кто такой? Кто ты такой? А? Ты кто такой, чтоб он у тебя пел? Тем более второй день. Я б тебе и на минуту его не одолжила, понятно. За тебя важные люди поручились. Ты теперь мне за каждый пропущенный концерт платить будешь. А если к концерту в «Олимпийском» не вернешь, будешь ржать, Феликс, ты мой, Железный, в лесной канаве. «Каждый раз одно и то же», – с горечью вспомнил всю свою биографию Феликс Эдмундович Буряк. День начался как обычно.

12

История бриллиантов полна жутких преступлений, душевраздирающих драм и непроницаемых тайн. Как купить кольцо с заветным камушком? Для Василия Горюхина то была тайна за семью печатями. «Я не способен купить даже маломальский бриллиантишко!» – то была для него драма. Ну а то, что он скрыл эту тайну от невесты, было самое настоящее преступление. Ему не хватило духа сказать горькую правду

дома, затем не хватило духа по дороге к торговому центру. Когда Василий вслед за невестой ступил на порог «Нового света», дух его испарился вовсе. Он шел в ювелирный, как на Голгофу. Невеста Василия Горюхина была девушка со вкусом и, судя по тому, как долго и подробно говорила с продавщицей, знала в бриллиантах толк. «Если мы не потянем вот это скромное колечко, то можем взять вот это совсем простенькое», – понимающе клала ладошку на руку Василия невеста Василия. Тяжела была ладошка. Груз позора лег на Василия и придавил его.

Сделав титаническое усилие, Василий ласково улыбнулся невесте. Его правое полушарие, отвечающее за образное мышление, уже рисовало ему одну за другой картины: он душит невесту, закалывает ее кинжалом, выхватывает пистолет, стреляет себе в висок, бьет витрины, засовывает бриллианты в карман и уносится на гоночной вишневой девятке в ночь. Одновременно левое полушарие, отвечающее за дедукцию, лихорадочно просчитывало варианты реальных отступлений. Если соглашусь на простенькое кольцо, значит платить сейчас. А денег нет ни на простое, ни на самое простое, ни на проще простого. Если соглашусь на скромное, то можно отложить на пару часов, пообещав сбегать за оставшимися деньгами. Но бежать некуда. Со спокойствием, которому позавидовал бы покойник, Василий обратился к продавщице: «Знаете что.... А не могли бы отложить вот это», – и показал на кольцо с ценником в два раза больше, чем у

скромного. «Свадьба же раз в жизни бывает. Гулять, так гулять. В понедельник получу зарплату и сразу к вам», – вдохновенно врал жених. Регулярная зарплата в его учреждении давно была анахронизмом. Вместо нее давали мыло или стиральный порошок, или ничего не давали. Невеста завизжала от восторга и гордо посмотрела на продавщицу. «Лучше бы ты застрелился», – сказала правое полушарие левому.

Окрыленная невеста полетела к свадебным платьям. Она великодушно освободила Василия от повинности присутствовать при примерке. Для этих целей она выбрала подружку. Василий был отпущен на все четыре стороны с условием, что купит себе брюки. Внутренний монолог бредущего неизвестно куда жениха был очень эмоционален, но незатейлив: «Боже мой! Боже мой! Боже мой! О, Боже мой!» И так еще 47 раз, пока в голове среди туч отчаяния не вспыхнул лучик надежды. «Конечно! Это выход! Как я об этом раньше не подумал. Тогда я куплю и кольцо и брюки... Да ладно, что мелочиться, костюм куплю, туфли. Туфли те, саламандеровские. Платье тоже возьму на себя. И свадьба тогда будет не в квартире ее родителей, а в ресторане. Нет, надо быть скромнее, достаточно кафе». Василий вздохнул с облегчением и твердо зашагал к ларьку моментальной лотереи. Широким жестом он высыпал на кассу мелочь и попросил один билет с мускулистым конькобежцем на картинке. Потом подумал, что один билет – это слишком самонадеянно, и купил второй – с гимнасткой.

Василий и раньше испытывал божью доброту на прочность. Но Боже уклонялся от материальной помощи посредством лотереи под разными неизвестными предложениями. Он оказывал ее только посредством родителей и жидкой полочки. Этого Василию казалось недостаточно, поэтому периодически он становился атеистом и даже пару раз покупал билеты, рассчитывая только на чистую математическую вероятность 1:10 в 5-ой степени без всякого божественного вмешательства. Расчеты не оправдались. «Но сейчас другое дело! – взывал Василий, – я поставил все на кон. Положение отчаянное. Исключительное. Что меня спасет? Только милость божья!» Из кармана была извлечена десяти копеечная монета. С новообретенными верой и оптимизмом, раб божий Василий потерял билет. Он тер нежно, как будто боялся поцарапать золотой слиток. Зря боялся, слитка не было. На месте, где должна быть цифра хотя бы с пятью нолями, была надпись из трех букв «УПС!» Без всякой нежности и веры Василий соскреба фолгу на следующем билете. Изящная гимнастка тоже не принесла удачу, как и могучий конькобежец. Испытатель судьбы обмяк и снова стал разочарованным атеистом: «Нет правды на земле, но правды нет и выше». Ноги понесли атеиста прочь с места катастрофы. Оба полушария отключились, чтобы не расстраивать хозяина мыслями о грядущем кошмаре. Включился автопилот, чтобы тело могло двигаться. Наверно, это мозжечок подключился. А может не мозжечок.

Мимо медленно проплывали предметы первой, второй и третьей необходимости, а так же предметы роскоши. Казалось, они, как в диснеевских мультфильмах, все хором пели: «Ты – лузер! Ты – лузер! Ты – жалкий, жалкий лузер!» «Да, я – лузер», – сокрушенно кивал согласный с ними интеллигент Горюхин. Прохожие тоже знали, что Василий Горюхин – лузер. Сначала его, молча, даже как-то брезгливо убрал с дороги легким движением руки какой-то крутой здоровый детина с татуировками, но в дорогом костюме со стальным переливом. Потом бабулька с пакетиками попросила его подвинуться в грубых выражениях: «Ты, курица вареная, – говорит, – подвинься». Так и сказала. А еще пенсионер называется. Потом на него показывали пальцем две продавщицы из за витрины. Вася прочитал по их губам: «Смотри, вон лузер идет». Вася отошел, а они даже не проводили его взглядом, не удосужили вниманием, так сказать, продолжая смотреть и тыкать пальцем в то место, где его уже не было. Потом полная волоокая девица спросила Васю с каким-то оскорбительным участием в голосе: «С вами все в порядке? Вам помочь?» Потом его толкнул на эскалаторе парень и извинился совсем небрежно.

«Жизнь – говно», – подумал Вася и двинулся искать сортир.

Так Вася снова стал думать.

За огромным залом парфюмерии «Ибн-Роше» была дверь, над которой висела табличка с тремя фигурками муж-

ского рода и одной женского. Странная диспропорция мужского и женского была отмечена Васей, но не заинтересовала его, целиком поглощенного низменными инстинктами своего тела. Он открыл дверь. Вместо вожаемого сортира там был грузовой лифт на парковку. Рядом висел тетрадный лист, прилепленный скотчем. На листке добрая рука написала «туалет на 3 этаже». Вася нажал кнопку. Подождал. Нажал еще раз. Еще подождал. Потом нажал кнопку и приложил ухо к двери лифта. Потом подождал. Потом нажал кнопку и проверил, горит ли она. Кнопка не горела. Потом нажал кнопку медленно, но сильно (может, контакт отошел). Подождал. Изделие завода «Красный подъем» не откликлось. Вася рассердился и ударил кулаком негостеприимный лифт. Испугавшись наделанного шума, оглянулся. За ним, молча и с интересом, наблюдал охранник. Спускавшиеся по лестнице люди тоже смотрели на Васю. Чтобы не видеть эти смеющиеся глаза Вася потупил взор и пошел наверх.

Через 37 секунд подъема взгляд его заметил на ступеньках среди спускающихся ботинок и туфель какой-то блестящий предмет. «Что это может быть?» – задал он сам себе риторический вопрос, потому что уже знал ответ. «Это – бриллиант! Какая-нибудь богатая дура потеряла. Ей все равно не нужно. Бог помог мне самым простым и эффективным способом. Лотерейный выигрыш я бы черт зна... не чертыхайся ты, идиот... я бы неизвестно когда получил. Ура! Аве! Слава!»

Осталось сделать один шаг и подобрать бриллиант с пола. Уже рука вылезла из кармана, как вдруг в Васе встрепенулся скептик и пессимист: «Какой бриллиант? Это стекло бутылочное, дурень. Держи карман шире». Вася прошел растерянно заветную ступеньку, мучаясь выбором. Скептик не унимался: «Заруби себе на носу: бог, если он существует, не помогает материально. Он о твоей душе заботится и все. Геморрой там насылает, чтоб ты страдал и совершенствовался. Для твоих земных потребностей его все равно, что нет. Иди лучше толчок ищи». Вася слушал его и постепенно удалялся от ступеньки, где бриллианты лежат.

«Стоять!» – скомандовал Васе внутренний оптимист и теист, – «Ты сам бежишь от своего счастья. Кредо квиа абсурдум! Это испытание веры».

Вася двинулся назад. Он спустился по лестнице, но камня не увидел. Откровенно шарить по ступенькам было неловко. Скептик ехидно захихикал: «Тебе не стыдно, как нищий в грязи возиться. Докатился. На тебя люди смотрят». Смущение подтолкнуло Васю вниз по лестнице. Он принял вид беспечного прохожего и оставил бриллиант позади. У основания лестницы на него снова с интересом посмотрел охранник.

Оптимист внутри Васи не сдавался и упрямо гнул свою линию: «Бог не приносит дары на блюдечке. Надо пересилить гордыню и мещанскую стыдливость. Иди и воздастся». Вася покорно пошел наверх.

«Ты смешон и жалок», – скептик перешел на личности. «Унтерменш несчастный. Акакий мечтательный. Сам зарабатывать не можешь, осталось только на бога надеяться. Тьфу на тебя».

Вдруг двуличный Горюхин увидел, что какая-то бабка пытается нагнуться как раз на месте залежа драгоценностей. Отбросив все колебания, искатель сокровищ ринулся вперед. Опередив конкурентку и даже слегка толкнув ее, он схватил вожаделенный предмет роскоши и поскакал по лестнице с ревостью напуганной антилопы.

Он посмел оглянуться и оглядеться только перед дверью сортира. Осмотр камня был отложен до безопасного одиночества в тиши туалетной кабинки. Руки дрожали. Точнее одна рука дрожала, а вторая потела, сжимая в кармане находку. «Отсюда ты выйдешь другим человеком!» – торжественно подумал Василий Горюхин про себя, сделал сильный вдох-выдох и открыл дверь в сортир. В следующий момент он открыл рот от неожиданности и удивления. На него во весь опор неслась на четвереньках особь женского пола. Увидев вашины ноги, особь замерла и подняла в испуге голову. Это была та самая барышня, чье сочувствие так не понравилось Горюхину, когда он был удручен результатом лотереи. Пикантная позиция и хорошо обозреваемое декольте кого угодно отвлекли бы от мыслей о бриллианте. Немая сцена была прервана диким воплем из угловой кабины. Девушка вскочила на ноги и бросилась к выходу, крикнув: «Задержите

его, а то он меня убьет. Я слишком много знаю». «Извините», – вежливо сказал потомственный интеллигент и выско-чил первым.

Через пять минут блужданий новое укромное место было найдено – примерочная кабинка джинсового магазина. На вешалке висела пара штанов для маскировки. На лбу Васи блеснул пот. На ладони Васи блеснул предмет. Блеснул катастрофически дёшево. Это была гранёная стекляшка, с дырочкой по середине. Бусинка какая-то. Таковую и потерять не жалко. Мусор. Фигня. Туфта. Лабуда. Хрень. Откуда-то сверху доносились раскаты божественного хохота.

13

Эльдар ушел. Затем ушла менеджер Анна разбираться по поводу исчезнувших джинсов. «Просто Анна» осталась одна наедине со своими мыслями. Потом мысли рассеялись, и Анна осталась просто одна. Это было тяжело и скучно. Поэтому она очень обрадовалась покупателю. Анна была само радушие. Рассказала о скидках по случаю открытия, полюбопытствовала, как ему торговый центр; спросила, какие джинсы предпочитает: классику или что-нибудь пооригинальнее; просветила о новых коллекциях, о будущих тенденциях, о шикарных ливайсах Стаса на вчерашнем концерте, улыбалась широко до неприличия, принимала изящные позы, – в общем, обслуживала клиента по первому разряду и, даже, лучше. Все без толку. К ее досаде он был рассеян, к улыбкам и позам равнодушен. Бесчувственный тип взял, не глядя, па-

ру джинсов и скрылся в примерочной. Через минуту оттуда послышался стон и что-то нечленораздельное. Анна была чутким продавцом, поэтому участливо спросила: «Вам подошел размер?» В ответ услышала: «Да что же это такое? Что мне с этим делать?» Священные заповеди маркетинга неоновыми буквами загорелись в голове Анны: «Продавец должен мягко брать инициативу в свои руки. Покупатель редко знает, чего он хочет. В глубине души клиент надеется, что продавец сам сделает за него выбор». Со словами: «Разрешите, я взгляну», – Анна открыла занавеску. Джинсы висели ненадеванные. Странный клиент сидел с видом больной собаки и на вытянутой лапе держал что-то блестящее.

– Что это? – удивилась Анна и наклонилась поближе.

– Это п...дец, – горько промямлил грустный покупатель.

– Нет, это не п...дец, – Анна узнала украшение.

Всего день назад она за такое могла жизнь отдать. Ну, не то, что бы уж совсем всю жизнь, но, в общем, многим могла бы пожертвовать. Ну, там куртку отдать поносить на пару недель, или там поцеловаться. Ну, уж точно отдала бы все свои журналы «Опля!» за три года. Это была страза с джинсов Стаса. Как писал журнал «Опля!», на эксклюзивных джинсах певца было нашито 85 камней Воровски. Но на гастроли едут джинсы попроще, со стеклянными стразами. Но это не важно. Все равно такие джинсы есть только у Стаса, ну еще у Эроса Иглесиаса-младшего.

– Где вы это нашли? – стараясь выглядеть как можно рав-

нодушнее, спросила Анна.

– Там, на лестнице у парковки. А что это?

– Стрза с брюк, ерунда. А что вас расстроило?

Клиент встал, шмыгнул носом, вдруг затрясся всем телом, ткнулся лицом в плечо ошарашенной Анне и начал орошать ее футболку обильными слезами. ... В правилах маркетинга о таких случаях ничего не говорилось. «Пердун старый, уже 30 лет наверно. А все хнычет как маленький. Как бы чернила на бейджике не расплылись». Аня нерешительно положила руку на голову пердуна и нежно, по-матерински заворковала:

– Ну, успокойтесь, успокойтесь. Как вас зовут?

– Васс-сь– ся.

– Ну, что случилось, Вася?

И Вася рассказал ей все.

14

– А, где Антон Петрович?

– Я за него.

Женек поднял измученное алгеброй лицо и увидел перед собой девушку в черном, с бейджиком «менеджер Анна» на груди. Грудь менеджера Анны заметно волновалась.

– У нас это... проблема, серьезная проблема. Вы не могли бы это... со мной пройти?

– Могу, – ответил Женек, но не встал, а сменил позу на более подходящую для такого случая – важно развалился, расставив ноги. – А чё нада?

– Пойти надо со мной. В складскую зону.

– А зачем? Женек улыбнулся. Ситуация стала доставлять ему удовольствие.

– Взял ноги в руки и бегом за мной! – вдруг взорвалась девушка с бейджиком. – Я тебе не продавщица какая-нибудь, я менеджер, – и ткнула пальцем себе в грудь. – Мы за аренду бешенные бабки платим, а тут какой-то охранник не желает задницу поднять! У нас ЧП на складе. Поднял задницу, кому говорю! Я говорю, поднял задницу! Задницу подЯл! Я сказала.

Женек нахмурился и поднял, что просили.

Когда он впервые примерил форму охранника и посмотрел на себя в зеркало, то почувствовал себя крутым как Шварцнеггер из фильма «Хищник». Ну, если не как Шварц, то хотя бы как Дольф Лундгрэн из боевика «Смерч». Ну если не как Дольф, то уж точно как Майкл Дудикофф из фильма... как он назывался? Там про два клана ниндзя, один клан – убийцы, а другой – тоже убийцы, но с понятиями. А Дудикофф был морпех, а потом оказалось, что он тоже – ниндзя. «Вайомингский ниндзя – 2» называется. У Дудикоффа на плече была татуировка. Но на кассете было записано четыре фильма, поэтому качество не очень. Женек не разглядел, что за татуировка, и решил, что это морской котик. А Пятак из второго подъезда сказал, что это волк. У Пятака видик дома стоял, он фильм несколько раз смотрел. «Точно говорю те, это волк нарисован», – уперся Пятак. У Женька видика дома не было. Ну, волк, так волк. Они пошли к Клешне татуи-

ровки рисовать. Тот согласился за четыре портвейна или за три водки. Пятак бутылку портвейна у отца украл. А Женек обменял проигрыватель «Рекорд» на две водки. Брат очень дорожил своим «Рекордом». Он когда в армию уходил, сказал: «Женек, береги вертушку, как я – родину». Но Женек решил, что брату пока проигрыватель не нужен, а татуировка ему, Женьку, во как нужна. Для авторитета. Клешня умел рисовать кресты и звезды, а еще писать слова «Нюрка», «сука», «не забуду». Но обещал, что волк получится страшный до «усрачки», если у него картинка, образец будет. Пятак из дома притащил детские рассказы Виталия Бианки о зверятах, а Женек взял в библиотеке книжку про Маугли. Ну, не взял, а спер. Стыдно было, здоровый лоб, выпускной на носу, а он книжки для малышей читает. Дома полистал. Понравилось. Само собой, решили рисовать Акелу. Акела был крутой. Клешня раздавил стакан и начал творить. Сначала творил на Женьке. Было больно, но Клешня подбадривал: «Ничего, ничего. Искусство требует жертв». Через час художник начал материться, орал, чтоб Женек не ёрзал. Затем попросил Пятака посчитать количество волчьих зубов. Еще через два часа мучений Клешня сказал: «Портрет окончен. Пора выпить», – и устало завалился с портвейном на диван. Женек попросил зеркало. Клешня нехотя дал какой-то осколок в пол-ладони. Как ни верти, увидеть можно было только часть красного, воспаленного плеча с какими-то синими пунктирами. «Клевая татуха, – похвалил Пятак, а сам к вы-

ходу, – я чо вспомнил, меня дома же ждут. Так что я в следующий раз сделаю», – и слинял.

Дома Женек заперся в ванной, осторожно снял рубашку, взглянул в зеркало и обомлел. «Мама родная!» Клешня не обманул, на плече красовалась страшная зверюга. Но это был точно не волк, а хищник неопределенной породы, словно Акелу долго скрещивали со всем зоопарком, начиная с бандерлога. Причем это был явный инвалид, потому что ему не хватало одной задней лапы. «Ёпэ рэсэтэ! Вот гад! Какой ты художник, тебя в маляры не возьмут», – изливал всю свою обиду жертва художественного эксперимента под журчание воды из крана. Раньше Женек презирал уроки рисования и всегда их прогуливал. Теперь он понял насколько рисование – важный предмет. «Это ж не отмоется. Это ж, как его, мать, клеймо!» В древние времена верили, что тотем и судьба человека неразрывно связаны. Смывая стыдные слезы, Женек чувал что-то похожее: татуировка испортила ему всю оставшуюся жизнь. Теперь главное не показывать ее никому и заставить Пятака молчать. Женек стал скрытен, перестал ходить в бассейн, качался в спортзале, не снимая олимпийки. К боевикам охладел, особенно с Майклом Дудикоффым. Ну, не совсем охладел, так смотрел иногда. Когда Шварц в «Командосе» завалил злобного морпеха с клевоу татуировкой, то Женек этому радовался больше обычного. Затыкать Пятака оказалось необязательно, у того своих проблем навалилось выше крыши. Портвейн, который он стащил у отца, ока-

зался какой-то дорогуший, импортный. Пятака отлупили. За кражу отлупили, и за то, что пить начал. Он клялся, что не брал в рот ни капли. Что хотел сделать себе татуировку. Но татуировки у Пятака не было, и ему досталось в нагрузку еще и за то, что врет. Пообещали поставить на учет, если не исправиться. По вечерам Женек смотрел на свое плечо в зеркало. Неопознанная тварь радостно скалила зубы, словно приветствовала своего хозяина. Постепенно Женек перестал ее ненавидеть.

Но все равно никому не показывал.

Через два года она спасла ему жизнь. Брат приехал из армии и захотел отметить возвращение домой шумно, под музыку. Под музыку не получилось. Он сразу понял, кто виноват в пропаже его проигрывателя. Женек пытался убежать, но был схвачен за рубашку. Рубашка лопнула по швам, рукав оторвался. Татуировка предстала во всей красе. Брат, снявший уже солдатский ремень для экзекуции, увидел произведение искусства и чуть не помер со смеху. Смягчился брат, бить не стал, только проверил на месте ли у Женька печень. Апперкотом.

Форма разбудила в женькиной голове старые фантазии о крутизне. Эти тяжелые высокие ботинки, в которых так и тянуло кого-нибудь пнуть, эти военные штаны в маскировочных пятнах как у десантников, этот ремень, эта рация, – заставляли его по несколько раз оглядываться на свое отражение в витринах. Он шел и нравился себе. Даже дурацкая та-

туировка, скрытая наполовину рукавом футболки, выглядела не так по-дурацки.

Но имидж оказался ничто. Фуфло оказался имидж. Теперь Женек шел за девушкой в черном и не нравился себе. Смотрел на свое отражение почти без всякого удовольствия. Как только надел форму, так сразу все, кому не лень, стали им помывать. И ботинки дурацкие, тяжелые такие. Женек вяло шаркал ими под гневные взгляды менеджера Анны. «Ну, быстрее! Быстрее, кому говорю! – говорила она охраннику. «А быстрее нельзя? Ну, ты быстрее можешь?» – подгоняла она снова и снова. Всю прогулку Женек развлекался тем, что разглядывал джинсовый зад менеджера Анны, когда она не оборачивалась. Когда она оборачивалась, он скромно опускал глаза. Путеводная попа вела его по знакомому маршруту. Так они прошли сквозь толпу в кино, потом прорвались сквозь очередь за бургерами, миновали очередь в туалет, и, наконец открыли дверь в служебное помещение. Лампы в коридоре все так же моргали, как и в первый раз, когда он шел с Лизой. Анна больше не бросала гневные взгляды. Она замедлила шаг и старалась идти рядом с охранником. «Вы сейчас такое увидите, такое. Это в голове не укладываться», – перешла на шепот до этого весьма крикливая спутница. «Что-что я увижу? Я не расслышал», – тоже начал шептать Женек. Анна молча подошла к двери, открыла ее и жестом предложила войти. Женек очень осторожно, вытянув шею, заглянул внутрь. Затем откашлялся и решитель-

но шагнул навстречу неизвестному. Неизвестное выглядело как обычная складская конура, забитая мешками с одеждой. На вещи падал свет из небольшого окна. Рядом с окном были полки. На них лежали какие-то распакованные тряпки и стопка джинсов. «Ну, что я вам говорила? Каково? Теперь вы видите? Теперь вы поняли?» – раздался торжественный голос из за двери. Женек еще раз обвел глазами место таинственного происшествия, но никаких следов происшествия не увидел. Ни тебе труп, ни тебе кровавой лужи, ни тебе знака черной кошки на стене, ни тебе брошенного ствола, ножа, фомки, ни тебе взломанного сейфа, ни тебе вообще какого-нибудь сейфа – ничего. «А в чем дело то? Из за чего шухер?» – робко спросил озадаченный охранник. С воплем «Да блин!» виновница шухера влетела в помещение. Первым делом ее привлекла стопка джинсов. Потом окно. Потом она постояла, постояла и ...упала в обморок.

15

«Я вам еще раз говорю, джинсов на полке не было. Они, вообще, должны лежать в магазине. А вместо этого все джинсы были связаны за штанины в веревку. Окно было открыто, а веревка из окна вывешивалась, как будто кто-то хотел вылезти. Понятно?» – менеджер Анна сидела на полу и осторожно трогала шишку на голове. Вызванный по рации Антон Петрович с укоризной смотрел на своего юного подчиненного, как бы говоря ему: «Ты, желторотый, неоперившийся юнец, зачем ты влез в это дело, и втянул в него меня?»

Зачем мне эти проблемы? Мне что, своих не хватает? Теперь вот расхлебывай за тебя».

– Ты матеку решил?– наконец сурово произнес свое первое слово женькин начальник.

–Я это, почти. Почти полностью. Только одно действие осталось. Ну и записать все, – начал оправдываться Женек.

– Алле! Вы слышите, о чем я говорю? – встрепенулась ушибленная Анна, пораженная таким началом расследования. – Я говорю: здесь что-то произошло, а потом кто-то следы замёл! Патроныч поморщился и с ментовской вежливостью спросил:

– У вас что-нибудь пропало? Дверь взломана?

–Нет, вроде.

–А на нет и суда нет. Может это шутка чья-то. Мало ли. У кого ключи есть?

– Это склад на два магазина. Мы и бельё. У нас два ключа. Как у других с ключами – не знаю.

– Ну, вот видите, может, это кто-нибудь из ваших.

– Да какие наши!? – от возмущения Анна резко встала. Однако тотчас схватилась за голову и села обратно. Потом снова встала, но уже медленно. Медленно подошла к шефу безопасности и, понизив тон, глядя в глаза, сказала:

– А может это как-то связано с исчезновением Стаса?

Как будто мешок с картошкой упал на плечи Патроныча при этих словах. Причем этот мешок был чужой. И нести его надо не в свой подвал, а на овощебазу. «Гребанная работа!

И кто сказал, что это халява будет?» – бушевал мысленно Патроныч, хотя про халяву ему никто не говорил. Это он сам себе говорил.

– Давайте следственный эксперимент проведем, – робко предложил Женек в спину своему начальнику. В его голосе одновременно звучали надежда и страх. Страх перед алгеброй и надежда на настоящее расследование. «И ты, Брут?» – с горечью подумал Патроныч и повернулся посмотреть на предателя.

– Смотрите, – Женек молнией метнулся к джинсам, чтобы начальник не успел отказаться от идеи, – мы свяжем эти тряпки вот так... – он затянул первый узел, – а потом веревку свесим из окна.

– Зачем? – уныло спросил Патроныч. Женек замешкался, но ему помогла Анна:

– Затем, чтобы посмотреть, достает веревка до земли или нет?

– Я даже спуститься попробую, – загорелся Женек, – используя технику японских ниндзя. Он представил, как легко и ловко, под восхищенные взоры этой задаваки из магазина, проделывает путь вниз и вверх, даже не запыхавшись. А Патроныч ворчит, но не может скрыть своего одобрения.

– Да не стой ты столбом! Вяжи давай! – прикрикнула на размечтавшегося ниндзю Анна, завязавшая уже два узла. Женек взялся за штаны и тут же присвистнул.

– Смотрите, джинсы порваны. – он растянул штанины в

стороны, показывая прореху прямо по середине. – Странно. На этикетке нарисовано, что даже лошади порвать не смогут.

– Да, странно – менеджер магазина как-то быстро отвела глаза, – может брак. Может тот, кто лез, был очень тяжелым? Мы их последними привяжем. Глядишь, если порвутся окончательно, до земли лететь не так далеко будет.

При этих словах тень сомнения мелькнула в голове храброго специалиста по искусству ниндзя. Веревка становилась все длиннее, Анна все рассудительнее.

– Если веревка достает до земли, значит, кто-то мог по ней спуститься. Например, Стас.

– Или наоборот, кто-то мог забраться, – вдруг взял да и подумал Женек. Например... например.... Фиг знает кто.

– Или никто. Никто не спускался и не поднимался. Такое тоже может быть, – попытался урезонить молодежь Патронич, у которого от стихийного энтузиазма двух салак уже голова начала болеть. Но вот веревка была закончена, привязана к полке и спущена в окно. Анна посмотрела вниз и гордо заявила:

– Ну, что я говорила! Почти до земли.

К окну подтянулись два других участника следственного эксперимента и по очереди высунули головы.

– Кажется метра два не дотягивает, – как-то уже без особого задора сказал Женек.

Патронич подергал веревку, прищурился для точности и выдал расстояние без всяких «кажется»: – Два с половиной

метра. А может, два шестьдесят. Ноги сломаешь – вот и весь эксперимент. Все пошли. Концерт окончен.

Но концерт был не окончен. Женек посмотрел на Анну. Анна посмотрела на Женька. В ее взгляде было столько презрения и насмешки, что гордость забурлила в душе охранника.

– Ладно, – как можно небрежней бросил Женек, – смотайся туда и обратно. Пару раз плюнуть. Он сложил кисти в замок и стал разминаться. – Зырьте мастер-класс.

Качок с пятилетним стажем как бы невзначай поиграл бицепсами и полез в окно. Он оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она. Она обнадеживающе улыбнулась, что б он, не дай бог, не передумал. Наступила самая решительная часть эксперимента. Рука ниндзи-любителя схватилась за верхнюю штанину, потом вторая, потом нога плавно опустилась на узел. Голова исчезла за подоконником.

– Ну, как? Все нормально? – спросила участливо Анна.

– Все отлично. – ответил Женек.

– Тогда давай побыстрей, а то мне в магазин надо.

Досада охватила экспериментатора, но он смолчал и опустился еще на одну штанину вниз. Вдруг раздался треск рвущейся материи, тренированное тело охранника начало плавно спускаться вниз без всяких усилий со своей стороны. Женек посмотрел с ужасом вверх. Джинсы рвались ровно по середине, там, где сходились штанины. Женек рывком пытался дотянуться до места над разрывом, но только усугубил

ситуацию. Шов стал расходиться еще сильнее. Вокруг было не за что зацепиться. Торговый центр в этом месте был покрыт чудными пластиковыми панелями под мрамор «Пафос – ТС-500» фирмы «Элитные полимеры», к которым согласно рекламе даже грязь не пристает, не то, что охранники. «Так, что на моем месте сделал бы ниндзя Майкл Дудикофф?» – задумался Женек.

– Помогите! Помогитееее! Мама! – закричали хором Женек и Майкл Дудикофф внутри ЖеньКА.

Вместо мамы в окне показалась менеджер Анна. Она ментально оценила обстановку и снова упала в обморок. Следующим вместо мамы появился Патроныч.

– Держись, Копыто! Сейчас что-нибудь придумаем! – крикнул Женькин начальник и скрылся из окна.

«Я – не Копыто, я – Капытов. И держаться не за что», – мог возразить Женек, но не возразил, потому что не мог ни о чем думать.

Зато Патроныч начал думать за двоих. Серое вещество в его голове лихорадочно работало, оно кипело, перебирая варианты спасения. «Надо снять пиджак и подать оболтусу. Только у меня пиджака нет, в конторе оставил. Тогда надо что-нибудь еще подать. Ремень? Так и ремня у меня нет. Зачем мне ремень, штаны и так не спадают. Рубашку? Рубашка не выдержит. Или выдержит? Или не выдержит? Может, проверить? Снимать долго. Некогда. Есть же здесь какие-то другие тряпки». Женек снова заорал. Патроныч схва-

тил первую попавшуюся тряпку и свесился с ней через подоконник.

– Что это за хрень?! – взвизгнул ниндзя. На месте Патроныча Анна бы обиделась. Какая же это хрень? Это бюстгальтер последней коллекции фирмы «Забава». Чашечки отлично держат объем груди. Носить можно с платьем, даже если вырез глубокий. Да и без выреза можно. Или с кофточкой в тон. Если верхние пуговицы расстегнуть, то будет очень даже ничего. Но Анна все еще лежала в обмороке. Патроныч посмотрел на деликатную хрень, бросил ее с досады вниз и побежал за следующей. Следующее орудие спасения выглядело по солиднее. Материи в ней было раза в три больше. Женек схватился за нее как за соломинку. Ладно, он не схватился за нее обеими руками, а то летел бы сейчас навстречу бетону, а может быть и лежал бы уже на нем. Но он схватился только одной. Ночная сорочка, настоящая «франция», такая воздушная, с кружевными оборками, немного приталенная, очень такая секси, фактически лиф и юбочка, скрепленные между собой легкими ленточками, не сорочка, а шедевр легкой промышленности взяла и затрещала по изящным швам. Порвались ленточки. Порвались бантики. Не будет никто носить прекрасную ночнушку, не будет никто дразнить в ней своего кавалера, прельщать его, сводить с ума. Погибла сорочка от приложенной грубой силы, от тяжести, от столкновения с суровыми законами физики за 8 класс. Жалко сорочку. Хотя кому жалко? Женьке? Патронычу? В

интервью газете «Вечерний Гидротехник» на вопрос «Жалко ли вам было испорченный товар магазина «Нежность»?» Антон Петрович Мотыль категорично и дословно заявил: «Я уважаю уголовный кодекс, а так же кодекс об административных правонарушениях, но... и УПКа тоже уважаю, но... Кстати, я против новой редакции уголовно-процессуального кодекса. К чему эти сложности, старый был проще и лучше. Он помогал ловить воров и хулиганов. Что с ними, с ворами и хулиганами, цацкаться? А новый? Кому он помогает? Милиции или бандитам? Так это о чем я? А. Я уважаю уголовный кодекс и прочее, но... Мы как бы стоим на страже...э... социа... то есть частной собственности, но когда я увидел переполненные страхом глаза Евгения Копыто, я понял, что человеческая жизнь простого охранника мне дороже».

Когда Патроньч посмотрел в переполненные страхом глаза охранника, он понял, пора идти на решительные меры. И начал метаться по складу в поисках решительных мер. Тем временем джинсы продолжали рваться. Вот уже шов разошелся между задними карманами. Силе тяжести сопротивлялась только ширинка. Женек вспомнил, как в первый раз не смог потерять невинность – заклинило замок на ширинке. Потом он не смог потерять невинность еще несколько раз. Но эти случаи не всплыли у него в памяти, когда он смотрел на рвущиеся джинсы и не рвущуюся ширинку. Женек начал орать благим матом, чтобы привлечь внимание людей внизу. Но какие там люди? Не было никаких людей. Он же не

на фасаде висел, где вход был, а на задней стороне здания. Натолкнувшись на лежащую и такую равнодушную к судьбе охранника Анну, Патроныч понял, что нашел надежное средство для спасения. Он облегченно вздохнул, присел и начал снимать с продавщицы фирменные черные джинсы. «Это они рвутся, если за штанины в разные стороны тянуть. А если схватить за вместе сложенные, то выдержат!» – осенило спасателя. Снять свои брюки ему в голову не пришло, а потом, когда пришло, то не захотелось. Неловко как-то было. «Антон Мотыль брюки просто так не снимает», – решил для себя Патроныч. Но решение пришлось тут же изменить. Джинсы не поддавались. Крепко, как влитые, сидели они на упругих бедрах девушки. Как приклеенные держались, вот что значит фирма! «Ёлки, да что же я мучаюсь с этой курицей! Ладно, хрен с тобой, своими штанами обойдусь».

– Держись, скалолаз, сейчас я тебя вытащу! – обнадеживающе крикнул Патроныч в сторону окна и лихо скинул туфли. Когда брюки зам директора по общим вопросам были спущены до колен, то ли от криков, то ли от некоторой непривычной свободы в области талии, обычно туго стянутой, очнулась менеджер Анна. Увидев свои джинсы расстегнутыми, а брюки Патроныча практически снятыми Анна не удивилась. Все мужики – козлы. И этот старый такой же. Секс ему подавай бесплатный! Патроныч тем временем скакал на одной ноге, пытаясь освободить вторую из брючины. «Реальный козел! Вот гад! Там человек за бортом, а он... Как он

точно момент выбрал, свидетеля насилия нет! А сейчас этот ниндзя из окна брякнется, то и не будет! Все просчитал старый козел!» – Анна ужаснулась коварству зама. Коварный зам наконец-то освободился из своих брюк и повернулся лицом к окну, а задом в семейных трусах к Анне. Не мешкая ни секунды, она со всей силы размашисто ударила ногой насильника. Женек бы оценил этот удар, если бы видел. Настоящий «маваши йоко гири». Но он не видел триумфального удара. Единственное, что он увидел, так это пролетевшие мимо него брюки Патроныча. Анна уже бросилась к двери, когда насильник заорал:

– Ты что делаешь, дура! Крепко головой стукнулась? Как же мы теперь его вытащим!?

Из окна донеслись яростные вопли:

– Сволочи, что вы надо мной издеваетесь? Что я вам сделал? Я же сейчас шмякнусь на смерть! Милиция!!!!Убивают!!

Анна повернулась. Поверженный зам продолжал гневно кричать из положения сидя:

– Сымай, давай, свои портки, коза! Да быстрее ты, давай! Ты чо встала! Сымай,говорю, твою душу! Ох, спину отшибла! У меня же там почки!

Анна поколебалась некоторое время, потом поломалась еще немного, по привычке, и начала раздеваться. «Стриптиз для спасения человека, это ж надо! Кто увидит, обалдеет!» – удивлялась про себя Анна, стаскивая тугие джинсы.

– Тебе помочь, дочка? – ласково предложил Патроныч.

– Сама обойдусь, без помощников. Пока Патроныч наблюдал стриптиз, Женек наблюдал приближение своей гибели. Теперь две половинки джинсов соединяла только узкая полоска вдоль пояса и непоколебимая ширинка. В голове у выпускника школы №15 Евгения Капытова («3» по физике) роились неуместные мысли: «Ускорение свободного падения равняется 9,8 м/сек квадрат. С какой силой я шмякнусь о землю, если масса моя – 83 кг?»

Наконец, Анины черные джинсы были сняты и вывешены за окно. Женек вцепился в них мертвой хваткой. Глаза у него были круглые и ошалевшие, как у котенка, которого мыли в ванной. Не было в этих глазах того ястребиного блеска, какой был у ниндзи Майкла Дудикоффа. Ниндзя Майкл Дудикофф исчез, слинял не понятно куда вместе с ястребиным блеском. Совсем другой Евгений появился над подоконником, жалкий какой-то, как будто вылез этот Евгений прямёхонько из поэмы Александра Сергеевича Пушкина «Медный всадник». Вытаскивать его было сплошное мученье, окно было слишком тесно для двух спасателей. Они пыхтели и ругались. Футболка у спасенного задралась и перед Патронычем и Анной предстала во всей своей красе дурацкая татуировка. Но они не обратили внимания на уродливую зверюгу.

Потом они долго пытались отдышаться. Анна хотела одеться. Но Женек не отпускал ее джинсы. Патроныч с тру-

дом вырвал их у оцепеневшего скалолаза-любителя. Когда Анна надевала свои спасительные джинсы «Дольче Альбано Рамино Пауэрс», Женек увидел у нее на бедре. . . . Да, он увидел у нее на бедре татуировку. Он моментально узнал руку мастера. На бледной коже синел то ли катенок Гав, то ли его друг –дворовый щенок. Анна перехватила взгляд и сильно смутилась.

– Зато теперь мы точно знаем, что никто не спускался из окна, – заговорил Патроныч, расхаживая по кладовке в одних трусах и носках. – Даже если кто-то попытался проделать такой фокус, то у него ничего не получилось. А если кто-то грохнулся, то труп бы валялся.

– А если порвались только самые нижние джинсы? Тогда он мог спрыгнуть на землю. Ну, ушибся бы человек, но не насмерть же, – выдвинула контрверсию Анна.

– Пара джинсов из семи порвались. Значит, скорее всего, вся партия такая. Думаю, еще раз проверять не будем. Самые первые джинсы затрещали, и кто-то, половчее нашего скалолаза, успел забраться в окно обратно. Патроныч еще чуть-чуть подумал и добавил, – а, может, вообще никого не было.

Женек их разговор не слушал, он умножал $9,8 \text{ м/сек квадрат}$ на 83 кг . В уме, столбиком.

Повисла пауза, во время которой до Патроныча дошло, что он не совсем одет.

– Я это, ваши джинсы реквизирую во временное пользование? Пока за своими штанами хожу?

– Валяйте, – согласилась Анна.

Патроныч отвязал ливайсы и надел их. Но не совсем. Со-
всем надеть не получилось. Как-то не застегивались джинсы
на теле зама по общим вопросам.

– Ну, чё, скалолаз, придется тебе бежать за моими штана-
ми, – повернулся Патроныч к своему подчиненному. Женек
не сдвинулся с места. – Слышь, кому говорю, ноги в руки и
бегом! Никакой реакции. – Боец, чё, страх потерял? Боец не
повел даже бровью, впервые не обращая никакого внимания
на начальство.

– Он в шоке, – вступилась за охранника Анна.

– Я в шоке, – подтвердил Женек. – Я сама схожу за вашим
ээээ хозяйством.

Через какое-то время Анна появилась внизу и помахала
Патронычу, который нетерпеливо караулил ее в окне. Пер-
вым делом она подобрала бюстгальтер. Затем наклонилась
за брюками и вдруг увидела рядом что-то блестящее. «Таа-
ак», – подумала Анна удивленно. «Так, тааак», – подумала
Анна еще раз, когда наклонилась ниже. Она подняла вещи-
цу, и тут ее осенила блестящая мысль: «Так, так, так, так!
Ах, вот как!!!!»

Вика была разочарована. Не ждала ее Лиза в сортирах,
не вешалась, не рыдала, не тянула к ней, Вике, руки, не па-
дала к Вике на грудь со словами «послушай, подруга, мою

ужасную историю». Пусты были сортиры. Точнее народу было много: заседательниц по кабинкам, красавиц всех возрастов и размеров, сосредоточенно наводящих марафет у зеркала. Но Лизы среди них не было. Вика чувствовала себя обманутой. Тем более в пылу погони пришлось пропустить магазин «Стиляго Понти», а там в витрине такое платье висело, закачаешься. Юбка «годо», корсет с выточкой, вырез большой, лодочкой. Ах. Вика прямо обиделась на Лизу. Она была очень разочарованна. Но еще больше был разочарован Петровский. Он был разочарован в два, нет, в три раза больше Вики. Мало того, что он, как дурак, искал какую-то Лизу в мужских туалетах, но еще, как совсем дурак, один раз позвал ее, когда кабинка была закрыта. В ответ раздалось гомерическое ржание, затем предложение войти посмотреть. В гневе Петровский покинул помещение, громко хлопнув дверью.

– Нет здесь никого, – крикнул он Вике, но Вики тоже не было.

Вся нелепость ситуации открылась ему: «Что я здесь делаю? Зачем я бегаю по магазинам и туалетам? Кому это все нужно? Сейчас приду на работу, а начальник смены, прыщавый сопляк, будет меня отчитывать за прогул, как малолетку. Где эта Клюева, в конце концов?!»

Клюевой нигде не было, и Петровский продолжил думать о себе. «Живу, понимаешь, не своей жизнью. Чьими-то чужими интересами живу. Вроде ушел из под опеки отца, как колобок от дедушки, а все не то. Какое-то я орудие чужой

судьбы. Наверное, я слишком полагаюсь на случай».

Раньше он думал так. Вышел, например, в магазин за хлебом. Идешь себе, идешь. Вдруг обнаруживаешь, что забыл деньги. Приходиться возвращаться. Но, вместо досады в голову закрадывается мысль: а вдруг это судьба? А вдруг все не спроста? Вдруг, если бы я не повернул обратно, то на перекрестке в аварию попал? Или еще лучше: вернулся домой, взял деньги, снова пошел за хлебом, и, вдруг, встретил на своем пути что-нибудь судьбоносное. Например, кошелек. Или главного тренера по теннису. А тот говорит: «Я давно за тобой наблюдаю, Александр, целых 15 минут. У тебя потрясающая координация движений, это заметно по походке. Пошли ко мне в сборную. Заменишь Женю Кафельникова». А если бы не забыл деньги, то ничего судьбоносного не встретил. Или зашел в булочную, а там вооруженное ограбление...! Или идешь по улице, экскаватор что-то роет, проходишь мимо траншеи, и видишь подземный ход. Ты ныряешь в темноту, зажигаешь факел, а там сокровища Мамая, которые он бросил, убегая после побоища. А если бы не забыл деньги, то прошел бы мимо экскаватора до того, как он ход откапал.

Жизнь шла, а никаких судьбоносных случайностей не происходило. Тогда юный Петровский пытался поймать судьбу за хвост самостоятельно. Он специально оставлял деньги дома, когда его посылали в магазин. Выбирал самые запутанные маршруты, прокладывал их через пустыри и

стройки. В общем, давал судьбе шанс. Но она им не воспользовалась. Ничего не случилось. Точнее случилось, но ничего интересного. Его ругали дома, за то, что шатался непонятно где. Пару раз он падал в какие-то канавы, и его ругали за то, что он испачкал штаны, куртку. Один раз сломал руку, но в больнице с ним тоже ничего интересного не произошло. Гипс наложили – только и всего!

Теперь, повзрослев, он начал рассуждать так: «Допустим, встречает он знакомого, ту же Клюеву. – Привет. Вот это да! Какая встреча. Вот это случай! Действительно, встреча случайная. В том смысле, что она незапланированная. Но ведь ты на улице сталкиваешься с сотнями, тысячами неизвестных тебе людей. И эти столкновения тоже случайны. Но ведь ты не кричишь при виде каждого человека: «вот это случай!» Какой же это случай, если тебе все равно, кто мимо прошел. Ты его даже не заметил. Получается, что случай, как это ни странно звучит, появляется только из области чего-то знакомого. То есть ничего нового ждать не приходится». Пессимизм овладел Петровским. Он облокотился на перила и посмотрел вниз. Картина открывалась удручающе скучная и предсказуемая. Толпа деловито сновала по аллеям торгового центра. Потоки перетекали из магазина в магазин. Кто-то выходил довольный и с пакетом, кто-то недовольный – без пакета, кто-то с пакетом, но все равно недовольный. Захотелось плюнуть вниз, как в речку с моста, и посмотреть, что будет. «Да что здесь может произойти? Ничего,» – вслух, непо-

нятно кому сказал Петровский и уныло потащился на работу. Он прошел мимо рокерской куртки, которую заметил в начале randevу с Ключевой, но теперь крутая вещь не вызвала у него бывшего энтузиазма. Для поддержания своего боевого духа он пытался вызвать образ Микки Рурка на мотоцикле, но тот не появлялся, видно занят был чем-то. Мотоцикл ремонтировал. Встреча на работе прошла в ожидаемой манере:

– Перерыв на отдых 20 минут, тебя не было час! Я научу тебя работу любить. После закрытия остаешься мыть плиту, посуду. Все ясно?

– Ясно, – Саня не стал спорить и нырнул в аромат разогретых полуфабрикатов, глутамата натрия, жареного картофельного крахмала.

Два дня до открытия их учили любить работу.

– Меня зовут Филипп. Сегодня я расскажу о нашей компании. Мы – лучшие! Без шуток, мы – лучшие. Итак, что вы знаете о нашей компании?

– Ничего.

– Неправильный ответ. Вы знаете, что мы – лучшие! Повторим со мной: «мы – лучшие».

– Мы – лучшие.

–Еще раз!

– Мы – лучшие!

–Еще! ...Еще! ...А теперь такое упражнение. Посмотрите на этот бургер. Смотрите какая мягкая белая булочка! Какой яркий свежий салат! Этот янтарный сыр! И, наконец,

сочная, аппетитная котлета! Прекрасный бумбургер! Замечательный! А теперь ваша очередь сказать, какой он замечательный!

– Он замечательный.

– Нет! Вы должны сказать своими словами! Дать свое определение, понимаете. Итак, наш бумбургер какой?

– Клевый.

– Хорошо!

– Классный.

– Еще.

– Отпадный!

– Еще!

– Улетный!

– Кайфовый!

– Ништяцкий.

– А теперь ты. Как тебя звать?

– Александр Петровский.

– Саша, порази нас!

– Поразительный.

– Ха-ха! А еще? -Великолепный, грандиозный, чудесный, волшебный, уникальный, – Санек задумался на секунду и продолжил, – божественный, воодушевляющий, питательный, знатный, популярный, очаровательный, милый, – подумал еще секунд 20, – А, может, хватит?

– Хватит, хватит, -как бы искренне рассмеялся менеджер Филипп. – Ты заработал одну призовую звездочку. 10 звезд

дочек – и бумбургер бесплатно.

– 5 касса свободна.

Саня дежурно улыбнулся в толпу, в ответ ему искренне улыбнулась какая-то мелюзга из под стойки. Но мелюзгу вдруг отодвинула взъерошенная пухлая девица.

– Саша? Здравствуй!

«Она меня знает, а я ее? – подумал Петровский и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.